

PK W 335
P-17

Краткий паспорт книги 01.01.2010

КРАТКИЙ ПАСПОРТ КНИГИ

Шифр Щ 5... в М 368/38

Автор И

Название История и

и по

Место, г 1886

Кол-во с таба

- " - отд.

- " - иллюс

- " - карт

- " - схем

Том _____ вып. _____

Конвюлют _____

_____ 25.03.93

Примечани История

90-2

НАША ОПЕРА

И

ЕЯ ХОЗЯЙСТВО.

А. РАЗМАДЗЕ.

Михаиль Ефремовичъ

ПЕРУ

МОСКВА.

13

КІЕВЪ.

Тип. С. В. Кузьменко, Ново-Елисавет. ул., собств. домъ.
1886.

1898/138

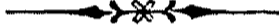
Д 166604

Щ 335
017

НАША ОПЕРА

и

ЕЯ ХОЗЯЙСТВО.

А. Размадзе.

КІЕВЪ.

Тип. С. В. Кульженко, Ново-Елисавет. ул., собств. домъ.

1886.

УДК 37.01:37.02:37.03:37.04:37.05:37.06:37.07:37.08:37.09:37.10:37.11:37.12:37.13:37.14:37.15:37.16:37.17:37.18:37.19:37.20:37.21:37.22:37.23:37.24:37.25:37.26:37.27:37.28:37.29:37.30:37.31:37.32:37.33:37.34:37.35:37.36:37.37:37.38:37.39:37.40:37.41:37.42:37.43:37.44:37.45:37.46:37.47:37.48:37.49:37.50:37.51:37.52:37.53:37.54:37.55:37.56:37.57:37.58:37.59:37.60:37.61:37.62:37.63:37.64:37.65:37.66:37.67:37.68:37.69:37.70:37.71:37.72:37.73:37.74:37.75:37.76:37.77:37.78:37.79:37.80:37.81:37.82:37.83:37.84:37.85:37.86:37.87:37.88:37.89:37.90:37.91:37.92:37.93:37.94:37.95:37.96:37.97:37.98:37.99

Дозволено цензурою. Київ, 29-го Іюля 1886 года.

Державна
Республіканська
Бібліотека УРСР
ім. Кіпрс

НАША ОПЕРА И ЕЯ ХОЗЯЙСТВО.

(Общій взглядъ на прошлое и настоящее Московской русской оперы).

—Казенныя деньги!... Что такое казенныя деньги?....
Это—рубли, которые никому лично не принадлежатъ
и которыхъ поэтому никому не жалко.....

(Выраженіе нѣкоего знатока въ умѣнны
распоряжаться казенными деньгами).

2-го Апрѣля 1830 года Министръ Императорскаго Двора отнесся къ директору Московскихъ театровъ съ слѣдующимъ предложеніемъ за № 1117: «При семъ препровождаю къ Вашему Превосходительству для надлежащаго исполненія Высочайше подтвержденный въ 1-й день сего Апрѣля штатъ дирекціи Императорскихъ театровъ и вмѣстѣ съ тѣмъ предлагаю Вамъ: 1) изъ состоящихъ нынѣ въ Московской театральной дирекціи чиновниковъ избрать достойнѣйшихъ и распределить въ должности по новому штату, сообразно ихъ способностямъ и представить мнѣ о нихъ списокъ на утвержденіе; 2) для опредѣленія въ должности инспектора по репертуарной части пріискать способнаго къ сему чиновника, и кто будетъ Вами избранъ, мнѣ донести; и 3) какъ члены бывшей Московской театральной дирекціи остаются теперь за штатомъ, то изъ нихъ статскому совѣтнику Арсеньеву объявить, чтобы онъ избралъ себѣ другое мѣсто для службы, въ противномъ же случаѣ будетъ причисленъ къ герольдіи; а о надворномъ совѣтникѣ Загоскинѣ представить мнѣ: не желаетъ ли онъ занять должность Управляющаго конторою Московскихъ театровъ и согласны ли Вы на сіе?» Подписано: Министръ Императорскаго Двора князь Волхонскій.

Штатъ, подтвержденный 1-го Апрѣля 1830 года, каковаго штата и касалось приведенное выше предложеніе Министра Двора, представлялъ собою слѣдующія любопытныя цифры (исчисленіе идетъ, конечно, «на ассигнаціи», что, какъ

извѣстно, составляло по отношеніи къ позднѣйшему счету «на серебро» $3\frac{1}{2} : 1$, т. е. 3 р. 50 к. «на ассигнаціи» = 1 р. «на серебро»):

Классъ должности.		Число слу- жащихъ.	Годовые оклады.		Итого въ годъ.		
			жалов.	столов.	одному.	всѣмъ.	
			рубли.	рубли.	рубли.	рубли.	
4	Директоръ театровъ	1	3000	3000	6000	} 7800	
	Ему же на экипажъ	—	—	—	1800		
7	Инспекторъ по репертуарной части	1	1500	1000	2500	2500	
9	Его помощникъ, онъ же и секре- тарь директора.	1	900	600	1500	1500	
9	Переводчикъ иностранныхъ языковъ	1	900	600	1500	1500	
Въ конторѣ:							
6	Управляющій конторою.	1	1800	1200	3000	3000	
10	Столоначальники	2	600	400	1000	2000	
9	Бухгалтеръ	1	900	600	1500	1500	
10	Его помощникъ.	1	600	400	1000	1000	
9	Казначей.	1	900	600	1500	1500	
10	Журналистъ, онъ же и архи- варіусъ	1	600	400	1000	1000	
	Писцы старшіе.	3	360	240	600	1800	
	Писцы младшіе.	3	250	150	400	1200	
	Смотрители за сборами.	2	600	400	1000	2000	
	Смотрители за театрами	2	600	400	1000	2000	
	Расходъ на капельдинеровъ и инвалидовъ.	—	—	—	—	12000	
	Канцелярскій расходъ	—	—	—	—	1500	
	На жалованье разнощикамъ афишъ	—	—	—	—	600	
	Жалованье трубочиста	—	—	—	—	400	
	Всего	—	—	—	—	44800	

Примѣч. Чиновникамъ, которые не будутъ помѣщаться въ домахъ, принадлежащихъ къ театрамъ, производить выдачу квартирныхъ денегъ съ утвержденія г. Министра Императорскаго Двора.

Подписано: Министръ Императорскаго Двора кн. Волхонскій. Директоръ канцеляріи Ив. Ситниковъ.

Казалось бы, подарокъ, сдѣланный отечественному искусству въ видѣ санкціонированія цѣлой плеяды чиновниковъ изъ числа «способныхъ къ сему дѣлу», будучи преподнесенъ 1-го Апрѣля, иначе говоря, въ день, когда культивируются обыкновенно милыя и игривыя шутки—надувательства, не долженъ былъ оказаться долговѣчнымъ; но, увы! практика доказала, что иногда и «poisson d'Avril» можетъ длить свое существованіе цѣлое полстолѣтіе. Приведенные выше штаты съ 1-го Апрѣля 1830 г. просуществовали до послѣдней театральной реформы, имѣвшей мѣсто въ 1882 г., когда все казенно-театральное дѣло, завѣдываніе имъ и управленіе было перевернуто вверхъ дномъ при посредствѣ чрезвычайно щедраго къ нему отношенія въ денежномъ смыслѣ слова и стремленія высшей власти поставить его на новую почву, поднять роль и значеніе казенно-театрального хозяйства въ области національной художественной жизни. Съ 1830 года, оказавшагося столь плачевнымъ для статскаго совѣтника Арсеньева и столь радостнымъ для надворнаго совѣтника Загоскина, не мало людей перебывало на должности заправителей Московскимъ театральнымъ дѣломъ; были между ними и такіе знатоки дѣла, такіе преданные ему люди, какъ Львовъ, но больше было такихъ истыхъ чиновниковъ, какъ Пельшъ, Неклюдовъ и въ особенности Кавелинъ, которые, получая свои 6000 р. «на ассигнаціи» жалованья и 1800 р. «на ассигнаціи» экипажныхъ, въ сущности приносили дѣлу не большій процентъ пользы, чѣмъ если бы должность, ими занимаемая, продолжала десятки лѣтъ пребывать вакантною. Избравъ однажды на всегда «способнаго къ сему дѣлу чиновника», въ родѣ напр. В. П. Бегичева, на должность инспектора по репертуарной части, люди эти смиренно засѣдали въ директорской ложѣ большаго театра, чѣмъ главнымъ образомъ и ограничивалась ихъ роль управительства; заправлялъ дѣломъ и заправлялъ имъ властной рукою «способный къ сему дѣлу чиновникъ», инспекторъ репертуара, а что выходило изъ этого заправленія, это живо, конечно, въ памяти многихъ людей, служившихъ въ то время въ театрѣ и людей

стороннихъ, интересовавшихся театральнымъ дѣломъ. Столоначальники и всякіе прочіе чины вѣдомства театральной конторы не изъяты были изъ общаго людямъ желанія кушать; жалованье ихъ—по прежнему напр. въ 1000 р. «на ассигнаціи», а по новому въ 285 р. 70 к. «на серебро»—давало къ тому очень ограниченные способы, не говоря уже объ окладахъ въ 400 р. на «ассигнаціи», составлявшихъ по новому 114 р. 28 к. «на серебро». Понятно, что изъ этого происходило.....

На самое казенное оперное дѣло порядокъ театрального хозяйства, державшійся полстолѣтія, имѣлъ совершенно разрушительное вліяніе. Русская опера, переживъ въ Москвѣ предварительно періодъ того упадка, который характеризовался присутствіемъ на нашей оперной сценѣ «русскихъ» пѣвцовъ, какъ г-жа Рехтъ и г. Томачекъ, почти не умѣвшихъ говорить по русски, наконецъ была загнана при посредствѣ итальянской оперы до такой степени въ задній уголъ, что припоминая это время теперь, невольно задаешь себѣ вопросъ: да полно, существовала ли тогда въ Москвѣ русская опера? Въ самомъ дѣлѣ! Кромѣ «Жизни за Царя» въ официальные дни, кромѣ рѣдкихъ представленій «Русалки» и скромныхъ попытокъ дать при посредствѣ русскихъ пѣвцовъ нѣкоторыя оперы иностраннаго репертуара (въ родѣ «Фауста» или «Водовоза»), Москва по части русской оперы въ то время ничего не имѣла. Четыре вечера въ недѣлю, а то такъ и пять вечеровъ, въ теченіи всего сезона было отведено подъ представленія итальянской оперы. Прибавьте къ этому балетъ—и станетъ понятнымъ, что оставалось за симъ для русской оперы. Правда, существовали русскіе пѣвцы,—и даже позднѣе такіе, которые, будучи въ самомъ дѣлѣ русскими, умѣли говорить по русски—существовалъ пресловутый капельмейстеръ русской оперы, существовали режиссеръ и хормейстеръ, но что могли сдѣлать всѣ эти люди подъ тѣмъ многосильнымъ давленіемъ, какое изображала собою тогдашняя итальянская опера? Да и какъ можно было разсчитывать тутъ на какуюнибудь борьбу? Съ одной стороны

симпатіи самой дирекціи (крупные ангажементы итальянцевъ были много милѣе гг. чиновникамъ съ ихъ «ассигнаціонными» окладами); съ другой стороны весьма понятныя симпатіи публики, — все это склонялось въ пользу итальянской оперы. За нее стояли такія имена, какъ Віанези, Дюпонъ, Бевиньяни (капельмейстеры), какъ Фриччи Арто, сестры Маркизіо, Патти, Нильсонъ, Мурска, Станіо, Рота, Падилла, ранѣе ихъ Гасье, Віолетти и цѣлая плеяда отличныхъ артистовъ. Что же могла выставить противъ такой батареи именъ злополучная русская опера? Г. Мертена въ противоположность гг. Віанези и Бевиньяни, г. Демидова въ противоположность Віолетти, г-жъ Люценко, Александрову, Массини въ противоположность звѣздамъ въ родѣ Арто, Патти и пр. Выходило, конечно, что персоналъ русской оперы, содержимый ради официальныхъ представленій, скромно получалъ свои оклады, большинство которыхъ (для лицъ, состоявшихъ на казенной службѣ) измѣрялись также по старому «на ассигнаціи» (4000 р. = 1143 р. съ копѣйками) и благодарилъ Создателя за то, что его содержали какъ бы въ богадѣльнѣ на скромномъ иждивеніи, вонъ не гнали, а давали, такъ сказать, слегка кормиться «разовыми», т. е. тѣмъ дополнительными 25 р. за выходъ, которые сверхъ жалованья составляли по-спектакльную плату.

Но вотъ наступилъ періодъ паденія въ Москвѣ итальянской оперы. Подготовили его на возрастаніе симпатій публики къ дѣлу русской оперы не печатныя lamentаціи музыкальныхъ критиковъ, вопіявшихъ цѣлыми годами противъ такой аномаліи, какъ отсутствіе русской оперы въ Москвѣ, называемой сердцемъ Россіи; подготовила его сама дирекція, надо полагать, излишне умѣлымъ способомъ вести оперное хозяйство. Случилось это къ концу семидесятыхъ, или даже, правильнѣе говоря, къ началу восьмидесятыхъ годовъ. Въ-руя въ непоколебимость симпатій публики къ итальянцамъ, дирекція начала пріобрѣтать такихъ заграничныхъ пѣвцовъ и пѣвицъ, которымъ несомнѣнно не нашлось бы мѣста на первыхъ амплуа хорошихъ заграничныхъ сценъ; разбавляя

исподволь свой оперный персоналъ подобными второстепенными силами, дирекція съ Божіей помощью привела дѣло итальянской оперы къ тому, что сборы ея упали до невозможности, и что въ послѣдній годъ ея существованія дефицитъ опернаго хозяйства чуть ли не превысилъ двѣсти тысячъ рублей. Это ужъ было слишкомъ—и «способные къ сему дѣлу чиновники» порѣшили усилить персоналъ русской оперы и остановиться на ней, какъ на краеугольномъ камнѣ, отложивъ въ сторону оперу итальянскую (балетъ къ этому времени самъ собою «отложился въ сторону», начавъ давать невозможно-малые сборы, и существовать гораздо болѣе для танцоровъ, чѣмъ для публики, ибо въ спектакляхъ бывало иногда зрителей меньше, чѣмъ исполнителей). Для того же, чтобъ, такъ сказать, «сразу весь капиталъ пріобрѣсть», «способные къ сему дѣлу» положили увеличить цѣну на мѣста. Но для послѣдняго нужно было изобресть особенный фортель, ибо цѣны на мѣста въ русской оперѣ составляли собою также нѣкоторымъ образомъ утвержденные штаты, слѣдовательно, просто повысить ихъ въ смыслѣ прямого измѣненія цѣнъ было нельзя. Фортель состоялъ въ устройствѣ абонементна на представленія русской оперы, при чемъ для абонентовъ цѣны оставались нормальныя, т. е. тѣ, что были утверждены, а для неабонентовъ продавались съ повышеніемъ въ вечеровой продажѣ. Соображеніе было правильное: абонентовъ не оказалось—и всѣ мѣста остались для «розничной» продажи по «вольной», т. е. повышенной цѣнѣ. Персоналъ былъ усиленъ приглашеніемъ разныхъ артистовъ, а для вѣщаго привлеченія публики въ спектакли русской оперы, на должность капельмейстера былъ приглашенъ любимецъ Москвичей, бывшій капельмейстеръ итальянской оперы, Бевиньяни. Но при этомъ остальные важнѣйшія должности оперныхъ заправилъ, какъ напр. должности режиссера, его помощника, хормейстера и пр. продолжали быть замѣщенными прежними людьми; такимъ образомъ анекдотическій режиссеръ г. Дмитріевъ, прославившійся своей «разсѣянностью», благодаря которой онъ однажды пытался на

репетиціи «Фауста» выпускать хоръ по клавираусцугу «Марты», продолжалъ дѣйствовать по режиссерской части, какъ диллетантъ-хормейстеръ г. Мамонтовъ—по хормейстерской. Надо правду сказать: пока у дѣла былъ Бевиньяни, человекъ талантливый и крайне энергичный, дѣло это шло ничего себѣ; работая за всѣхъ, маленькій, зоркій, быстрый въ своихъ рѣшеніяхъ капельмейстеръ дѣлалъ все возможное въ предѣлахъ силъ одного человека; онъ и дирижировалъ, и разучивалъ хоры, и обучалъ менѣе опытныхъ пѣвцовъ, и «натаскивалъ» режиссера, словомъ одинъ царилъ повсюду, и въ результатѣ давалъ даже услышать новыя оперы, разученныя съ огромными усиліями, но изготовленныя совсѣмъ хоть куда; таковою напр. была опера Рубинштейна «Демонъ». Между тогдашними оперными артистами Московской сцены были также нѣкоторые, усердно помогавшіе капельмейстеру въ его нелегкомъ дѣлѣ, и отдававшіе свои способности и знанія на пользу того, что поднять было не легко; между ними несомнѣнно первыми должны быть названы двое, а именно гг. Барцаль и Корсовъ, которые своею артистическою опытностію помогали г. Бевиньяни вывозить дѣло русской оперы, начавшее становиться на настоящую почву, но, къ сожалѣнію, встрѣтившее на этомъ пути трудно преборимый тормозъ въ образѣ театральной конторы и «опытныхъ въ семь дѣлѣ» чиновниковъ, съ ихъ окладами, исчисленными «на ассигнаціи». Въ такомъ видѣ прожило дѣло года два; затѣмъ Бевиньяни возвратился въ міръ итальянской оперы, а на его мѣсто дирекція пригласила г. Эмануэля, человека, не лишеннаго таланта и знаній, но далеко не отличавшагося тою энергіей, которая нужна была въ данномъ случаѣ. Дѣло, начавшее было идти съ грѣхомъ пополамъ, опять пошло на расклепку и послѣдній сезонъ существованія дореформенной русской оперы сказался снова паденіемъ средней цифры сборовъ, увеличеніемъ дефицита и цѣлымъ рядомъ небрежно срепетованныхъ, на спѣшную руку обложенныхъ представленій. Названные выше артисты, какъ и въ первые два года, изъ кожи вонъ лѣзли на пользу подня-

тія дѣла, но рядомъ съ ними не энергичный, лишенный административной смѣтливости капельмейстеръ Эмануэль, съ казеннымъ чиновникомъ капельмейстеромъ Мертеномъ (продолжавшимъ все время свою службу на окладѣ по старымъ штатамъ въ 4000 р. «на ассигнаціи»), отличавшимся рѣдкой способностью самаго невозмутимаго индифферентизма, и съ анекдотическимъ режиссеромъ Дмитріевымъ, не успѣвшимъ чему нибудь выучиться за время «царствованія Бевиньяни», служили плохимъ подспорьемъ дѣлу. Казалось, все опять пойдетъ назадъ, да оно собственно и шло назадъ: недоставало только водворенія вновь итальянской оперы....

Но вотъ на «опытныхъ въ семь дѣлъ чиновниковъ» грянулъ громъ, который сразу разметалъ во всѣ стороны всѣ прежніе порядки, какъ и прежнихъ «служилыхъ людей», который сразу срѣзалъ подъ корень прежніе взгляды на дѣло, прежніе штаты, прежніе оклады, оказывавшіеся къ этому времени совершенно невѣроятными (хористы напр. получали по 150 р., 180 р., 240 р. годоваго жалованья). Громъ этотъ грянулъ въ образѣ реформы театральнаго дѣла, начавшей выметать все прежнее съ самаго верха. Пресловутаго барона Кистера смѣнилъ въ должности директора Императорскихъ театровъ И. А. Всеволожскій, съ первыхъ же дней своего водворенія давшій съ полною ясностью уразумѣть окружающимъ, что отнынѣ русско-оперному дѣлу будетъ отведено подобающее мѣсто. «Опытные въ семь дѣлъ чиновники» одинъ за другимъ полетѣли съ своихъ мѣстъ, штаты были кореннымъ образомъ реорганизованы, счетъ на ассигнаціи упраздненъ и на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ прежде засѣдали разные столоначальники стародавняго пошиба, считавшіе не безвыгоднымъ служить за 285 руб. въ годъ, водворились новые люди. Вѣра въ этихъ людей со стороны общественнаго мнѣнія была неограниченна. Еще-бы! Тысячные оклады—вмѣсто сотенныхъ; свѣжій, молодой народъ—вмѣсто заматорѣлыхъ «опытныхъ въ семь дѣлъ»! Рядомъ съ изъятіемъ изъ обращенія прежнихъ штатовъ и прежнихъ чиновниковъ, реформа кореннымъ образомъ перевернула и все оперное дѣло. Вмѣ-

сто прежняго анекдотическаго режиссера Дмитріева съ его окладомъ въ нѣсколько сотъ рублей, оказывавшихся столь растяжимыми, что изъ нихъ можно было дѣлать состояніе, на должность главнаго режиссера былъ приглашенъ тотъ самый г. Барцалъ, который усердно сотрудничалъ опернымъ трудамъ Бевиньяни; жалованье главному режиссеру дали 9000 р., имѣя въ виду, что, будучи режиссеромъ, онъ останется сверхъ того и пѣвцомъ. Въмѣсто чиновника-капельмейстера Мертена пригласили одного изъ видныхъ провинціальныхъ капельмейстеровъ г. Альтани, а другаго, не менѣе его выдающагося капельмейстера, г. Авранека сдѣлали—и какъ послѣдствія доказали, это назначеніе было удачнѣе всѣхъ—главнымъ хормейстеромъ. Обоимъ имъ дали отличное жалованье. Оклады хористовъ увеличили до цифры, о которой бѣдные хористы Московской оперы и не мечтали, поднявъ ихъ до 600 р., 720 р. и даже болѣе того; тоже сдѣлали и съ окладами оркестра, которые возросли въ еще болѣе пропорціи. Численность хора увеличили сразу до 120 человѣкъ, а численность оркестра до 105 человѣкъ, что, по чести говоря, было даже излишне, такъ какъ оркестръ сдѣлался много сильнѣе, чѣмъ этого можно желать. Всѣ широкія вліянія на самое оперное дѣло, на составленіе репертуара, приглашеніе персонала, составлявшія прежде неотъемлемую собственность инспектора по репертуарной части, перешли въ руки главнаго режиссера и комиссіи, состоявшей изъ него, капельмейстера, хормейстера, помощника его и режиссера (въ сущности старшаго помощника главнаго режиссера). Комиссія эта за лѣто 1882 г., усердно собирая хоръ и оркестръ, въ началу сезона сформировала то и другое, и съ 15 Сентября 1882 г. начала свое существованіе «новая русская опера» въ Москвѣ, какъ результатъ обширной многообѣщавшей реформы. «Новою» она была до такой степени, что даже въ мелочахъ отразились вліянія новыхъ началъ; такъ напр., отношенія дирекціи къ печати стали на почву чрезвычайнаго такъ сказать либерализма; въ противоположность прежней замкнутости, «новая» опера открыла настежь двери

для представителей печати: ихъ приглашали присутствовать на генеральныхъ репетиціяхъ вновь разучиваемыхъ оперъ, имъ отвели, по ихъ желанію, мѣста въ театрѣ, которыя они всегда имѣли право оставлять за собою, не рискуя пороть горячку изъ-за билета на сильно посѣщаемые спектакли. Словомъ, «новое вино было влито въ новые мѣха»; все было новое, и, конечно, ожиданіямъ и надеждамъ не было конца.

Къ открытію перваго сезона новой оперы все возликовало. Возликовали музыкальные критики, столько лѣтъ долбившіе неподдававшійся камень въ образѣ «опытныхъ въ семь дѣлъ чиновниковъ»; возликовали люди, съ горячимъ, патріотическимъ энтузіазмомъ относившіеся къ дѣлу русской оперы; возликовало общественное мнѣніе вообще, съ крайнимъ интересомъ слѣдившее за выполненіемъ первыхъ началъ театральной реформы; возликовали хористы и музыканты, получившіе новые оклады, чуть не впятеро превышавшіе прежнее ихъ жалованье; возликовали пѣвцы и пѣвицы, или бывшіе до этого времени не у дѣлъ, или считавшіеся по провинціямъ, или получавшіе прежнія свои жалованья «на ассигнаціи» съ добавленіемъ разовыхъ. Опечалены были только удалившіеся на покой «опытные въ семь дѣлъ», одинъ изъ которыхъ удалился на покой въ буквальномъ смыслѣ слова, такъ какъ онъ поселился въ Троицкомъ посадѣ, поближе къ святымъ, «гдѣ бы на старости человѣку легче было съ Богомъ примириться».

Что это было за ликованіе, что это было за сочувствіе, лучше всего дадутъ понятіе слѣдующія цифры сборовъ за первую половину перваго сезона «новой оперы», т. е. за періодъ времени съ 15 Сентября 1882 г. по 1 Января 1883 г. Сборы ихъ были таковы:

15 Сент.	— Жизнь за Царя	= 2193 р. 80 к.	(полный сборъ).
17 »	— Фаустъ	= 2193 р. 80 к.	(тоже).
20 »	— Демонъ	= 2193 р. 80 к.	(тоже).
22 »	— Жизнь за Царя	= 2193 р. 80 к.	(тоже).
27 »	— Фаустъ	= 2193 р. 80 к.	(тоже).

29 Сент.	— Гугеноты	= 2193 р. 80 к.	(полный сборъ).
4 Окт.	— Демонъ	= 2189 р. 80 к.	
6 »	— Фаустъ	= 2193 р. 80 к.	(полный сборъ).
8 »	— Русалка	= 2058 р. 30 к.	
11 »	— Демонъ	= 2193 р. 80 к.	(полный сборъ).
13 »	— Русалка	= 1306 р. 30 к.	
15 »	— Жизнь за Царя	= 2193 р. 80 к.	(полный сборъ).
18 »	— Фаустъ	= 1560 р. 80 к.	
20 »	— Демонъ	= 1661 р. 80 к.	
21 »	— Гугеноты	= 2183 р. 30 к.	
25 »	— Жизнь за Царя	= 1011 р. 80 к.	
27 »	— Фра-Дьяволъ	= 2012 р. 80 к.	
29 »	— Фаустъ	= 1206 р. 90 к.	
1 Ноябрь.	— Гугеноты	= 1638 р. 30 к.	
3 »	— Русалка	= 944 р. 30 к.	
5 »	— Аида	= 2002 р. 30 к.	
8 »	— Демонъ	= 2193 р. 80 к.	(полный сборъ).
10 »	— Аида	= 1378 р. 60 к.	
12 »	— Фаустъ	= 1593 р. 30 к.	
14 »	— Жизнь за Царя	= 2193 р. 80 к.	(полный сборъ).
15 »	— Гугеноты	= 1311 р. 80 к.	
17 »	— Демонъ	= 1938 р. 30 к.	
19 »	— Донъ-Жуанъ	= 2179 р. 80 к.	
22 »	— Донъ-Жуанъ	= 1719 р. 30 к.	
24 »	— Аида	= 993 р. 20 к.	
25 »	— Фаустъ	= 1377 р. 80 к.	
29 »	— Гугеноты	= 1285 р. 80 к.	
8 Дек.	— Демонъ	= 2028 р. 40 к.	
10 »	— Русланъ	= 2182 р. 30 к.	
12 »	— Русалка	= 1891 р. 30 к.	
13 »	— Аида	= 843 р. 90 к.	
15 »	— Русланъ	= 2193 р. 80 к.	(полный сборъ).
17 »	— Гугеноты	= 1415 р. 70 к.	
20 »	— Фаустъ	= 1146 р. 90 к.	
22 »	— Демонъ	= 1142 р. 80 к.	
26 »	— Русланъ	= 2193 р. 80 к.	(полный сборъ).

28 Дек.	— Фаустъ	= 2028 р. 80 к.
29 »	— Гугеноты	= 2031 р. 80 к.
30 »	— Русалка	= 1645 р. 80 к.
31 »	— Риголетто	= 2149 р. 80 к.

Всего за 45 спектаклей сбора = 80580 р. 50 к.

Такимъ образомъ, не считая почти полныхъ сборовъ (за 2000 р.), которыхъ было одиннадцать, сборовъ полныхъ безусловно оказалось тринадцать; иначе говоря, болѣе половины спектаклей щеголяли полнымъ театромъ, и средняя цифра сбора, принимая даже случайно невыгодное условіе, въ видѣ неудачно обставленной «Русалки», дававшей плохіе сборы, оказалась почти въ 1800 р., что болѣе, чѣмъ втрое, превышало прежнюю среднюю цифру сборовъ съ тогдашними повышенными, при посредствѣ абонементовъ, цѣнами на мѣста (послѣ реформы цѣны, вновь принятыя, были безъ повышения прежнія). Въ приведенный счетъ спектаклей не вошли два представленія оперы «Жизнь за Царя», данныя не въ пользу дирекціи: одно—въ пользу инвалидовъ, другое—въ пользу фонда на памятникъ Глинкѣ. Характернѣйшее явленіе въ приведенномъ перечнѣ спектаклей составляютъ первые десять спектаклей, эти первые десять подъ рядъ полныхъ и почти полныхъ сборовъ, когда, очевидно, вся Москва ломилась въ большой театръ, стремясь послушать, какъ «новые люди» обставили дѣло «новой оперы». Безъ различія относительно той или иной оперы, безотносительно къ тому, которая изъ нихъ болѣе любима, которая любима менѣе, Москвичи въ эти десять спектаклей наводняли зрительный залъ театра, который былъ оглашаемъ самыми горячими аплодисментами и всякими шумными проявленіями сочувствія.

Картина сборовъ 2-го полугодія 1-го сезона представляется однако уже менѣе блестящею, чѣмъ только что приведенный перечень. Съ 1-го Января по 27-е Февраля 1883 г. (послѣдній спектакль на масленицѣ) цифры сборовъ являлись въ слѣдующемъ видѣ:

3	Янв.	— Жизнь за Царя	= 2121 р. *)
2	»	— Русалка	= 2165 р.
4	»	— Демонъ	= 2193 р. (полный сборъ).
6	»	— Риголетто	= 2193 р. (тоже).
9	»	— Африканка	= 3420 р. (по сильно повышеннымъ цѣнамъ, бенефисъ кордебалета).
10	»	— Риголетто	= 939 р.
12	»	— Африканка	= 2193 р. (полный сборъ).
14	»	— Донъ-Жуанъ	= 1483 р.
17	»	— Русланъ	= 1923 р.
18	»	— Русалка	= 846 р.
19	»	— Африканка	= 1989 р.
21	»	— Рогнѣда	= 1998 р.
23	»	— Фаустъ	= 2146 р.
24	»	— Рогнѣда	= 1555 р.
26	»	— Демонъ	= 2085 р.
27	»	— Жизнь за Царя	= 2088 р.
28	»	— Африканка	= 2193 р. (полный сборъ).
30	»	— Жизнь за Царя	= 2193 р. (тоже).
31	»	— Русланъ	= 1306 р.
3	Февр.	— Гугеноты	= 1491 р.
4	»	— Риголетто	= 986 р.
7	»	— Африканка	= 1662 р.
9	»	— Демонъ	= 2149 р.
10	»	— Рогнѣда	= 1523 р.
11	»	— Русалка	= 684 р.
14	»	— Демонъ	= 1682 р.
16	»	— Фаустъ	= 1568 р.
18	»	— Африканка	= 1720 р.

*) *Примѣч.* Цифры сборовъ этого полугодія показаны въ томъ видѣ, какъ онѣ были получены изъ полуофициальнаго источника, а именно безъ копѣекъ; обстоятельство это совершенно ничтожно, такъ какъ всѣ копѣйки, вмѣстѣ взятая у тридцати четырехъ валовыхъ сборовъ, составляютъ не болѣе 25 р., что не можетъ нарушить приведенныхъ выводовъ.

20 Февр.	— Риголетто	= 209 р.	(утренний спектакль).
22 »	— Африканка	= 1079 р.	(тоже).
23 »	— Маккавей	= 2182 р.	(полный сборъ за вычетомъ даровыхъ билетовъ музык. крит.).
24 »	— Гугеноты	= 968 р.	
25 »	— Жизнь за Царя	= 1828 р.	
27 »	— Демонъ	= 3097 р.	(по повышеннымъ цѣнамъ, бенефисъ Гербера).

Всего въ 34 представленія сбора = 59857 р.

Если мы примемъ въ расчетъ два бенефисные спектакля, цѣны которыхъ были удвоены, и исключивъ сумму ихъ сбора (3420 р. + 3097 р.) изъ общей валовой цифры 59857 р., возьмемъ среднюю цифру остальныхъ тридцати двухъ *нормальныхъ* спектаклей, то окажется, что средній сборъ 2-го полугодія составляетъ уже 1667 р., т. е. на 130 р. ниже цифры средняго сбора 1-го полугодія. Та же черта замѣчается и въ слѣдующемъ: въ 1-мъ полугодіи изъ 45 представленийъ было тринадцать полныхъ сборовъ и одиннадцать почти полныхъ (за 2000 р.), во второмъ же полугодіи изъ 34 представленийъ полныхъ сборовъ было только семь, да и изъ нихъ одинъ выпадаетъ на долю перваго представленія вновь поставленной оперы, а сборовъ почти полныхъ — шесть; то и другое, т. е. 7 + 6 = 13, составляетъ по отношенію къ 34 спектаклямъ совсѣмъ иной $\%$, чѣмъ 13 + 11 = 24 по отношенію къ 45 спектаклямъ 1-го полугодія. Далѣе: чаще начали фигурировать цифры сбора менѣе полусбора; и даже появляются такія, какъ 684 р. или 209 р., чего въ 1-мъ полугодіи не было; къ неудачно привлекавшей публику «Русалкѣ» присоединяется «Риголетто» и отчасти «Гугеноты», начавшіе дѣлать меньшіе сборы; даже «Русланъ» со стороны сбора началъ идти подъ гору, тоже случилось отчасти съ «Африканкой» и «Рогвѣдой», которая даже на первомъ представленіи полнаго сбора не дала. Но все же въ общемъ цифра средняго сбора, взятая за весь сезонъ, составляла 1739 р., т. е. значительно болѣе трехъ четвертей сбора; это было блестяще по сравне-

ни съ прежнимъ, и еслибъ дѣло шло и далѣе въ томъ же видѣ, то было бы очевидно, что сочувствіе общества къ русской оперѣ въ новомъ видѣ есть нѣчто установившееся, а дефицитъ, къ которому ежегодно приходитъ оперное хозяйство сезона, есть естественное послѣдствіе установившагося порядка вещей и щедрого, чуждаго меркантильности, отношенія дирекціи къ дѣлу русской оперы. Въ самомъ дѣлѣ, стоитъ бросить лишь поверхностный взглядъ на расходы казенно-опернаго хозяйства, чтобъ понять, что безъ дефицита обойтись она не можетъ. Если бы даже всѣ восемьдесятъ спектаклей сезона дали полный сборъ, то это составило бы 2193 р. 80 к. $\times 80 = 175504$ р., т. е. сумму, едва достаточную на покрытіе расхода по содержанию хора и оркестра въ ихъ теперешнемъ видѣ, а жалованье солистовъ, режиссеровъ, капельмейстеровъ, хормейстеровъ, машиниста, суфлера, какъ и все остальное—балетъ, прислуга, вечеровой расходъ по театру, декорации, монтировка оперъ и пр.—оставалось бы въ убыткѣ. Такимъ образомъ, безъ убытка вести казенное оперное хозяйство очевидно нельзя, да за установленіемъ дѣла на почву безъубыточности дирекція, конечно, и не гонится. Но рядомъ съ этимъ все-таки желательно резонное отношеніе къ вопросу о дефицитѣ, отношеніе, въ силу котораго возникалъ бы лишь такой дефицитъ, который—измѣряйся онъ десятками тысячъ или болѣе того—держался бы на разумномъ основаніи.

Съ каждымъ годомъ существованія послѣ-реформенной оперы въ Москвѣ средняя цифра сбора падала и, будучи въ первое полугодіе столь блестящей, превышая въ первый годъ три четверти сбора, она снизошла въ концѣ концовъ до того, что стала едва достигать полусбора, а стремленія Москвичей попасть въ большой театръ къ послѣднему сезону 1885—86 г. поостыли на столько, что полные сборы сдѣлались небывалой вещью и зрительный залъ большого театра напротивъ того весьма часто началъ представлять собою крайне жидко заселенный партеръ и лишь кое гдѣ разбросанныя ложи. Даже масса контрамарочниковъ, водворившихся

М 368 / 38

въ оперныхъ спектакляхъ со времени паденія сборовъ, по образу и подобію прежняго времени, не помогала дѣлу: театръ продолжалъ пустовать и дефицитъ опернаго хозяйства возросъ до ужасающей цифры нѣсколькихъ сотенъ тысячъ, если счесть не только расходы на жалованье, но и вообще всѣ расходы по театру, лежащія на оперу.

Въ чемъ же крылся секретъ такого неожиданнаго явленія? Казалось бы все было за «новое дѣло»: и сочувствіе общественнаго мнѣнія, и ликованія печати, и неисчислимыя надежды всѣхъ интересовавшихся только что народившимся дѣтищемъ, послѣреформенной оперой! Казалось бы и «вино новое влили въ мѣха новые», и «опытныхъ въ семь дѣлъ чиновниковъ» удалили, и водворили на мѣстахъ заправиль людей, въ личные интересы которыхъ входитъ забота о процвѣтаніи оперы, и притомъ людей, которымъ нельзя отказать въ знаніи опернаго дѣла. Чего же бы еще? А между тѣмъ сборы падали и падали, дефицитъ возрасталъ и возрасталъ, публика меньше и меньше посѣщала театръ.

Дѣло въ томъ, что новые люди, будучи усердны, понимая оперное дѣло, отдавая ему свои знанія, оказались въ то же время весьма умѣренными оперными администраторами и плохими хозяевами казенно-опернаго дѣла. Рядомъ съ фактами, доказывавшими, что они умѣютъ разучивать, монтировать, вообще ставить оперы, съ перваго же года началъ имѣть мѣсто рядъ печальныхъ ошибокъ въ административно-оперномъ и хозяйственно-оперномъ отношеніи, ошибокъ, являвшихъ собою такое *crescendo*, которое не могло не привести къ результатамъ, неожиданнымъ по началу, въ родѣ паденія сборовъ, увеличенія дефицита и пр. Последнее, т. е. увеличеніе дефицита, происходило не только отъ паденія сборовъ; на него вліяло и другое явленіе, характеризующее новое, послѣ-реформенное оперное хозяйство, а именно, возраставшая способность воротить безплодно сорить казенныя деньги и создавать все новые и новые предметы не производительныхъ расходовъ. Новые чиновники оказались для са-

маго дѣла не лучше прежнихъ «опытныхъ въ семь дѣлѣ»; они были только «въ другомъ сортѣ», весь обликъ ихъ канцеляріи былъ, такъ сказать, поставленъ «на благородную ногу»; они получали тысячные оклады вмѣсто сотенныхъ, и притомъ получали «на серебро», а не «на ассигнаціи»; но толку для дѣла было отъ нихъ не больше, чѣмъ отъ прежнихъ «опытныхъ въ семь дѣлѣ». Сами заправили оперой, оказавшись плохими администраторами и хозяевами, весьма не лишенные знаній и усердія, но не располагающіе достаточной энергіей и цѣпкостью по отношенію къ вопросамъ хозяйственно-опернаго свойства, культивировали ошибку за ошибкой, не только повторяя изъ года въ годъ однѣ и тѣ же невѣрныя въ основаніи начинанія, но еще все больше и больше развертываясь на этотъ счетъ, благодаря довольно широкому вліянію на ходъ опернаго хозяйства, предоставленному въ ихъ руки, и благодаря отсутствію въ Московской театральной администраціи самостоятельного поставленнаго главы, который могъ бы сосредоточивать въ своихъ рукахъ истинныя «бразды правленія», говоря языкомъ прежняго времени. Управляющій конторою былъ самостоятельнымъ лицомъ, сносившимся непосредственно съ главной дирекціей въ Петербургѣ, главный режиссеръ былъ такимъ же самостоятельнымъ лицомъ; въ ущербъ самостоятельности послѣдняго и капельмейстеръ и хормейстеръ были самостоятельными лицами. Вся эта плеяда «самостоятельныхъ» хозяйничала самостоятельно, не имѣя надъ собой необходимой власти тутъ-же въ Москвѣ, и власти, которая, находясь въ виду ихъ «хозяйствованія», имѣла бы возможность налагать свое *veto* на тѣ ихъ начинанія, которыя при ихъ недостаткахъ, какъ администраторовъ и хозяевъ, явно шли въ ущербъ дѣлу. Ошибку за ошибкой культивировали новые «самостоятельные» заправили, не внимая раздававшимся въ печати голосамъ по поводу тѣхъ или иныхъ не дѣльныхъ, не хозяйственныхъ ихъ начинаній.

Уже въ концѣ перваго сезона существованія послѣ-реформенной оперы администраціи дѣла были адресованы Москов-

ской печатью нѣкоторыя указанія на хозяйственныя ошибки оперныхъ заправилъ; указанія эти пока, правда, были явленіемъ одиночнымъ, такъ какъ появились они только на столбцахъ всего одной газеты, но за то имъ и суждено было остаться гласомъ вопіющаго въ пустынь. Позднѣе, когда ошибки повторялись, когда наконецъ онѣ обратились въ нѣчто хроническое и осложнились на столько, что вмѣстѣ взятыя начали явно увлекать все дѣло по ложному пути, голоса, указывающіе на эти ошибки, стали уже изображать собою изрядный газетный хоръ, громко рекомендовавшій обратить наконецъ вниманіе на крайне не хозяйственное отношеніе къ дѣлу казенной оперы. Но опять таки благія намѣренія людей, стремившихся съ своими разъясненіями придти на помощь дѣлу, оставались тщетны; оперная администрація шла все дальше и дальше по пути ошибокъ. Наконецъ, дѣло пришло къ результатамъ совсѣмъ плачевнымъ: расходы по содержанію оперы въ Москвѣ возросли, приходъ до невозможности упалъ, публика стала посѣщать большой театръ такъ лѣнливо, какъ посѣщала его въ дореформенное время, а тутъ еще на горе казенной оперѣ завелась рядомъ съ нею опера частная, которая при всей безпорядочности своихъ традицій, единственно державшихся на извѣстномъ «такъ хочу и нраву моему не препятствуй», все же своими итальянскими спектаклями отвлекала вниманіе общества отъ казенной русской оперы. Дѣла пошли совсѣмъ плохо.

Но въ чемъ же крылись истинныя основанія всего этого? Въ чемъ состояли ошибки, повлекшія за собою такой печальный исходъ широко и блестяще начатаго дѣла? Суммировать то и другое въ настоящее время тѣмъ болѣе своевременно, что окончился уже четвертый и наименѣе удачный годъ существованія послѣ-реформенной оперы, и что въ половинѣ его произошло нѣчто такое, что не можетъ не повліять на ходъ оперныхъ событій: завѣдываніе Московскими театрами вступило въ новую фазу своего существованія, получило, такъ сказать, новую форму въ видѣ назначенія для Москвы самостоятельнаго директора театровъ—именно

то, чего не доставало дѣлу—и въ видѣ передачи главныхъ вліяній на ходъ театральнаго хозяйства изъ рукъ нѣсколькихъ самостоятельныхъ заправилъ въ руки дѣйствительной самостоятельной дирекціи Московскихъ театровъ.

Первою ошибкою, которую послѣ-реформенное оперное начальство культивировало весьма усердно, не смотря на то, что уже съ перваго года существованія «новой» оперы, на ошибку эту дѣлались печатью указанія, было дѣло составленія Московскаго опернаго персонала въ томъ видѣ, какъ оно практиковалось за всѣ истекшіе четыре года. Трудно сказать, что было причиной невѣрнаго взгляда на дѣло, но только являясь въ первый годъ существованія оперы результатомъ яко-бы той спѣшности, съ которою перевертывались къ верху ногами прежніе оперные порядки, въ дальнѣйшіе годы новый порядокъ составленія персонала продолжалъ держаться тѣхъ же антихозяйственныхъ и невѣрныхъ въ художественномъ отношеніи основаній. Для лучшаго выясненія дѣла представимъ себѣ, въ какомъ видѣ могъ бы быть составленъ персоналъ и сравнимъ это съ тѣмъ, что практиковалось на этотъ счетъ въ Московскомъ оперномъ хозяйствѣ; тогда самая суть ошибочности установившагося порядка вещей сдѣлается вполне очевидною.

Представимъ себѣ, что персоналъ приглашается не иначе, какъ на годъ (строго говоря трехъ-лѣтніе ангажементы пѣвцовъ, практиковавшіеся до сего времени, рѣшительно не имѣютъ за себя никакого разумнаго основанія), и что составляется онъ по предварительномъ соображеніи того примѣрнаго репертуара, который дирекція имѣетъ въ предметъ осуществить въ теченіи года. Затѣмъ возьмемъ для примѣра самый этотъ репертуаръ, и, сообразивъ, какіе именно солисты и въ какомъ количествѣ спектаклей нужны для выполненія его, будемъ придерживаться полученной нормы при исчисленіи потребныхъ наличныхъ силъ персонала. Представимъ себѣ, напр. репертуаръ, состоящій изъ двадцати оперъ, повторенныхъ въ сезонѣ среднимъ числомъ по четыре раза, что

составить въ цѣломъ восемьдесятъ спектаклей; скажемъ, что это будутъ: двѣ оперы Глинки, одна опера Даргомыжскаго, три оперы Сѣрова, одна или двѣ оперы Чайковскаго, одна или двѣ оперы Рубинштейна, четыре оперы Мейербера, «Тангейзеръ» и «Лаэнгринъ» Вагнера, «Жидовка», «Фенелла», «Телль», «Аида» и «Фаустъ». Конечно, репертуаръ этотъ одному можетъ выглядѣть симпатичнѣе, чѣмъ другому, но мы и беремъ его не какъ нѣчто непреложное, обязательно рекомендуемое, а какъ нѣчто такое, что послужитъ намъ примѣромъ, что поможетъ выяснитъ дѣло; во всякомъ случаѣ репертуаръ этотъ значительно богаче того, какой культивируется изъ года въ годъ на нашей сценѣ.

Что же необходимо имѣть для выполненія этого репертуара при условіи, что онъ, будучи зрѣло обдуманъ заблаговременно, явитъ собою именно тотъ порядокъ послѣдованія оперъ одна за другой, который наиболѣе удобенъ и выгоденъ въ интересахъ наименьшаго утомленія исполнительскихъ силъ и при условіи, что изготовленіе этого репертуара съ хоромъ и оркестромъ, а въ особенности съ первымъ, начинается заблаговременно, такъ, чтобы маловыя исполнительскія силы шли всегда впереди солистовъ по части разуучиванья оперъ? А необходимо имѣть вотъ что: отъ 70—74 представленій для амплуа драматическаго сопрано, до 40 представленій для амплуа сопрано лирическаго и колоратурнаго, до 28 представленій для амплуа меццо-сопрано (мы выдѣляемъ его изъ общаго контральтово-меццо-сопраннаго амплуа), до 40 представленій для амплуа контральто, до 50 представленій для амплуа драматическаго тенора, до 40 представленій для амплуа тенора лирическаго, до 60 представленій для амплуа баритона и до 110 представленій для амплуа басса. Цифры эти взяты не только близкія къ истинѣ—это можетъ провѣрить всякій желающій анализировать персональный составъ названныхъ оперъ—но и подходящія отчасти къ условіямъ нѣкоторыхъ замѣнъ, всегда возможныхъ въ репертуарѣ; при томъ цифры взяты не только не въ обрѣзъ, но даже можно сказать вышшія. Выводъ изъ нихъ по-

лучается слѣдующій: необходимо имѣть для выполненія указаннаго репертуара двѣ драматическія сопранистки, на долю которыхъ выпадетъ отъ 35—40 представленій каждой въ промежутокъ времени, измѣряющійся почти шестимѣсячнымъ сезономъ; одну сопранистку колоратурную (лирическую), которой будетъ предстоять 40 представленій въ тотъ же періодъ времени; одну меццо-сопранистку и одну контръ-альтистку (28 и 40 представленій); одного драматическаго и одного лирическаго тенора (50 и 40 представленій); двухъ баритоновъ, изъ которыхъ одинъ долженъ являть собою типъ болѣе теноральный, другой же типъ истиннаго баритона; трехъ басовъ, что необходимо уже не сообразно числу спектаклей, а сообразно тому, что для нѣкоторыхъ оперъ два и даже всѣ три басса могутъ понадобится одновременно, въ одинъ вечеръ. Можетъ быть это покажется слишкомъ жестокимъ по отношенію къ исполнителямъ, можетъ быть на это возразятъ, что невозможно возлагать на пѣвцовъ такое количество спектаклей; но цифрами можно доказать, что положеніе, приведенное выше, не есть преувеличеніе, а есть, напротивъ того, рядъ очень скромныхъ сравнительно требованій. Все то, что приведено выше, измѣряется самое большое 8, 9 или 10 спектаклями въ мѣсяцъ, а это, по чести говоря, очень не много для опытнаго пѣвца (вѣдь предполагается, что именно таковыя должны быть приглашаемы на Императорскую сцену). Въ подтвержденіе можно, пожалуй, обратиться къ недавнему прошлому, когда пѣвцы были приглашаемы на условіяхъ поспектакльной платы, и когда—это фактъ—артисты опытные въ вокальномъ дѣлѣ, какъ напр. гг. Барцаль и Фюреръ, пѣвали: первый по 80 разъ въ сезонъ, а второй по 100 разъ въ сезонъ. Послѣ этого, надѣюсь, приведенныя цифры не покажутся грандіозными и превышающими нормальный порядокъ вещей. Быть можетъ, мнѣ возразятъ, что одного драматическаго тенора имѣть рискованно: вдругъ онъ заболѣетъ. Но и это опять таки не особенная бѣда, и во всякомъ случаѣ бѣда поправимая: есть между названными операми достаточно такихъ, которыя нуждаются

въ тенорѣ не драматическомъ, а лирическомъ; значить, въ случаѣ болѣзни возможна замѣна въ порядкѣ репертуара одной оперы другою. Но болѣзнь, скажутъ мнѣ, можетъ длиться очень долго! Несомнѣнно можетъ; по крайней мѣрѣ со времени уничтоженія проспективной платы мы бывали очень часто свидѣтелями чрезвычайно длительныхъ болѣзней пѣвцовъ. Но дѣло въ томъ, что длительная болѣзнь, продолжающаяся не недѣлями, а мѣсяцами, едва ли должна быть оплачиваема наравнѣ съ неустанной дѣятельностью на сценѣ и сверхъ того, въ случаѣ длительной болѣзни—это вѣдь ужъ исключеніе—можно начать практиковать гастрольные спектакли, которые всегда не трудно устроить на Императорской сценѣ, этомъ центрѣ, сосредоточивающемъ стремленія всѣхъ русскихъ пѣвцовъ. А та часть сезона, скажутъ мнѣ, которая наступаетъ послѣ пасхи? Что касается этой отдѣльной и крайне маловажной части сезона, когда—разъ, что пасха поздняя—публика лѣнивѣе всего посѣщаетъ театръ, то во-первыхъ, никто не возражаетъ сохранить на одинъ мѣсяцъ тотъ же персоналъ, который исчисленъ выше, во-вторыхъ, именно въ этотъ періодъ времени удобнѣе всего культивировать гастрольные спектакли, такъ какъ масса пѣвцовъ къ этому времени освобождается отъ своихъ провинціальныхъ ангажементовъ, и въ третьихъ, именно эту часть сезона необходимо отвести дебютантамъ, желающимъ опробовать свои силы и по испытаніи ихъ на репетиціяхъ (напр. постомъ) оказывающихся къ тому пригодными. Такимъ образомъ, если приглядѣться попристальнѣй, то выходитъ, что кажущіяся на первый взглядъ затрудненія и препятствія, на самомъ дѣлѣ даже и не существуютъ, а если они и есть, то устраняются очень легко. Слѣдовательно, персоналъ, который исчисленъ выше по предварительномъ обсужденіи предстоящаго репертуара, не только возможенъ, но онъ совсѣмъ нормаленъ, и состоитъ онъ изъ двухъ драматическихъ сопрано, одного сопрано колоратурнаго, одного меццо-сопрано, одного контральто, двухъ теноровъ, двухъ баритоновъ и трехъ басовъ. Къ этимъ артистамъ необходимо приобщить четверыхъ ком-

примарій, по одному человѣку cadaго вокальнаго типа, т. е. одну сопранистку, одну контръ-альтистку, одного тенора и одного басса, полагая всѣхъ четверыхъ *опытными* исполнителями вторыхъ ролей, говоримъ опытными потому, что установившееся у насъ обыкновеніе приглашать для вторыхъ ролей цѣлую фалангу людей, еле-умѣющихъ пропѣть фразу, есть нѣчто самое анти-художественное и вмѣстѣ съ тѣмъ анти-хозяйственное, такъ какъ клика неопытныхъ вторыхъ пѣвцовъ въ томъ видѣ, въ какомъ она существуетъ у насъ, есть нѣчто самое бесполезное и являющее собою крайне непроизводительный расходъ.

Взгляните теперь, что мы имѣемъ вмѣсто рекомендуемаго выше нормальнаго персонала *)! Во первыхъ, нашъ репертуаръ, ни мало не обсуждаемый заблаговременно, является какой-то случайной путаницей оперъ, слѣдующихъ одна за другой, назначаемыхъ, отмѣняемыхъ, оперъ, изъ которыхъ нѣкоторыя перестали привлекать публику, будучи повторяемы изъ года въ годъ, оперъ, обставленныхъ иногда совершенно кое какъ со стороны главныхъ исполнительскихъ силъ. Можно безошибочно сказать, что при началѣ сезона никто изъ заправилъ опернымъ дѣломъ даже не отдаетъ себѣ отчета въ томъ, чѣмъ будетъ вся компанія «самостоятельныхъ» начальниковъ руководствоваться при составленіи недѣльнаго репертуара, какія именно оперы и въ какое именно время сезона имѣютъ быть исполнены; не задаваясь всѣми этими вопросами, и вѣчно не въ мѣру запасаясь при посредствѣ многолѣтнихъ контрактовъ множествомъ пѣвцовъ, руководители дѣломъ ежегодно становятся въ положеніе людей, могущихъ плыть только по теченію: куда повлечетъ провидѣніе,

*) *Примѣч.* Пишущій эти строки не можетъ не сообщить съ прискорбіемъ того, что какъ разъ въ самомъ концѣ только что истекшаго сезона дирекція снова начала заключать контракты на три года и приглашать нѣкоторыхъ изъ тѣхъ артистовъ, которыхъ уже давно было бы своевременно отпустить со столичной сцены, да еще вдобавокъ приглашать ихъ, съ увеличеніемъ ихъ гонорара.

въ ту сторону и движется многоцѣнный оперный корабль, лишенный сильной руки, которая направляла бы его, куда слѣдуетъ, по заранѣ намѣченному пути. Во вторыхъ, нашъ персоналъ съ численной стороны совершенно невѣроятенъ, въ особенности если принять въ расчетъ, что при его численномъ изобиліи въ немъ вѣчно недостаетъ пѣвцовъ, отчего происходятъ сугубыя путаницы репертуара. Въмѣсто трехъ сопранистокъ, изъ которыхъ выдѣляется одна сопранистка совершенно опредѣленнаго типа лирическаго-колоратурнаго сопрано, мы имѣемъ г-жъ Юневичъ, Макарову, Климентову, Коровину, Мохину, Лазареву, можетъ быть имѣемъ и еще кого-нибудь сокровенно существующаго и лишь не появляющагося на сценѣ, на подобіе тому, какъ существовали и существуютъ въ нашемъ персоналѣ артисты, поющіе чуть не по одному разу въ сезонъ. Во всякомъ случаѣ, если сопранистокъ даже имѣется и шесть (а ихъ бывало и больше), это уже не нормальный порядокъ вещей, превышающій норму вдвое, и сверхъ того отличающійся въ данномъ случаѣ тѣми качественными недостатками, благодаря которымъ многія изъ желательныхъ къ исполненію оперъ остаются не исполнимыми. Въмѣсто одной меццо-сопранистки и одной контральтистки мы имѣемъ г-жъ Крутикову, Святловскую, Соловьеву, Якубовскую и имѣли еще Рындицу, что опять таки есть противуестественное изобиліе, являющее собою лишь бесполезное обремененіе опернаго бюджета. Въмѣсто двухъ первыхъ теноровъ мы имѣемъ гг. Усатова, Медвѣдева, Донскаго и Барцала (последній, будучи главнымъ режиссеромъ, все же поетъ, и, слѣдовательно, считать его необходимо). Въмѣсто двухъ баритоновъ, болѣе каковаго количества имѣть баритоновъ положительно уже не нужно, мы имѣемъ гг. Корсова, Борисова и Хохлова. Въмѣсто трехъ необходимыхъ басовъ мы имѣемъ гг. Бутенко, Фюрера, Бѣлявскаго, Мачинскаго и Василевскаго. Во всемъ излишекъ и излишекъ ярко бросающійся въ глаза, а рядомъ съ нимъ не менѣе очевидный недостатокъ. При такомъ численно обильномъ персоналѣ все же оказывается много оперъ, весьма желательныхъ

къ исполненію, но исполненіе которыхъ невозможно при наличномъ составѣ. Однѣ изъ нихъ невозможно давать потому, что нѣтъ тенора, необходимаго для ихъ выполненія; таковы напр. «Телль», «Пророкъ», «Лоэнгринъ», «Тангейзеръ». Другія нельзя давать потому, что нѣтъ необходимаго сопрано; таковы «Африканка», «Робертъ» и др. Третьи нельзя исполнять, благодаря неимѣнію потребнаго баритона; таковъ «Донъ-Жуанъ». Нѣкоторыя сверхъ того остаются неисполнимыми, благодаря тому, что на нихъ сразу не имѣется нѣсколькихъ исполнителей; таковы «Робертъ» (нѣтъ надлежащихъ исполнителей на партіи Роберта и Изабеллы), «Донъ-Жуанъ» (нѣтъ надлежащихъ исполнителей на партіи Донъ-Жуана, Донны Анны и Октавіо). Иныя оперы идутъ съ грѣхомъ пополамъ, при чемъ оказывается, какъ напр. въ «Севильскомъ Цирюльникѣ», что все бы ничего, да надо другаго Альмавиву и другаго Фигаро, или, какъ въ «Гугенотахъ», что опять таки все бы ничего, да надо другаго Рауля и другую Валентину и т. д.

Рядомъ съ излишками, практикуемыми по отношенію къ персоналу первыхъ пѣвцовъ, въ еще сильнѣйшей степени практикуется излишество вторыхъ персонажей. Тутъ уже прямо замѣчается отсутствіе какой бы то ни было системы, кромѣ протекціонной, роздающей на право и на лѣво полтора-тысячные и двухъ-тысячные оклады по соображеніямъ, совершенно не опернымъ. Однихъ вторыхъ баритоновъ—типъ наименѣе нужный—имѣется нѣсколько человекъ: гг. Стрѣлецкій, Ивановъ, Финокки, Колешовъ; и это не считая единственно полезнаго изъ пятерыхъ втораго басса г. Акимова. Всѣ эти люди получаютъ жалованье и изрѣдка поютъ; нѣкоторые изъ нихъ, какъ гг. Ивановъ и Колешовъ (обѣ фамиліи—псевдонимы), будучи чехами, говорятъ по русски довольно незавидно; не лучшимъ русскимъ языкомъ отличается и малороссъ г. Стрѣлецкій; еще слабѣе по части русской рѣчи итальянецъ г. Финокки, *всего только* двадцать лѣтъ служащій на Московской сценѣ. На что нужны всѣ эти люди, того не скажутъ даже заправилы опернымъ дѣломъ,

ихъ наприглашавшіе и присталяющіе ихъ то къ той, то къ другой партіи. Щедрость на этотъ счетъ опернаго начальства неисчерпаема. Всякія выходныя рольки въ десять словъ, въ родѣ начальника польскаго отряда (въ «Жизни за Царя»), или въ родѣ частей Невера (въ 1-мъ актѣ «Гугенотъ»), вполне возможныя къ исполненію при посредствѣ хористовъ, оплачиваются отдѣльными окладами въ 1500—2000 руб., при чемъ еще вдобавокъ оклады эти вручаются какъ разъ людямъ, едва ли могущимъ напр. въ частной антрепризѣ отправлять даже обязанности хористовъ. Одинъ изъ такихъ вторыхъ персонажей, г. Финокки, не поетъ совсѣмъ (пѣть ему уже нечѣмъ), но пишущій эти строки ни разу въ теченіи четырехъ лѣтъ не могъ доискаться истинныхъ причинъ содержанія подобнаго пѣвца (уже выслужившаго очевидно пенсію) на сценѣ. Извѣстно только, что г. Финокки получаетъ свое жалованье въ качествѣ не то «начальника гримировки», не то «начальника эффектовъ», не то «вожака хора». Что это за должности, какія обязанности входятъ въ ихъ кругъ вѣдѣнія, опредѣлить это едва ли кто сможетъ. И эти пятеро вторыхъ пѣвцовъ есть лишь часть всего втораго персонала; сверхъ того имѣются г-жи Хотинская и Иванова, гг. Григорьевъ и Додоновъ. Существовала на нашей сценѣ очень опытная и крайне полезная сопранистка-комприморія г-жа Анненская, являвшая собою типъ серьезно образованной пѣвицы, артистки, работа которой по сценѣ была безукоризненна; новое оперное начальство почему-то промѣняло ее на г-жу Хотинскую, стоящую, какъ исполнительница во многихъ отношеніяхъ, ниже г-жи Анненской, но, правда, имѣющую честь быть близкой родственницей капельмейстера. вмѣсто двухъ названныхъ вторыхъ теноровъ, конечно, можно было бы ограничиться однимъ, избравъ для того болѣе полезнаго изъ нихъ и болѣе музыкальнаго г. Григорьева, но, конечно, для этого надо было бы пожертвовать возможностью нѣкоторыя небольшія лирическія партіи, характера не то первой, не то второй роли, поручать не второму тенору; чтобы не приносить подобной жертвы—хотя

вѣдь напр. не считаетъ же для себя несоотвѣтствующимъ г. Барцаль исполненіе именно одной изъ такихъ ролей, Трике въ «Евгеніѣ Онѣгинѣ»,—представимъ себѣ даже обоихъ вторыхъ теноровъ сохраненными для сцены. Но для чего же, спрашивается, цѣлыми годами содержать такую баритонную коллекцію родственниковъ и друзей опернаго начальства, какъ гг. Стрѣлецкій, Ивановъ, Колешовъ, Финокки, оплачивая эту коллекцію семью тысячами рублей ежегодно, и за эти деньги имѣя то, что можно покрыть сполна двумя тысячами, даже при условіи приглашенія весьма не дурного втораго баритона на помощь къ существующему второму басу г. Акимову? Если подсчитать денежный итогъ всѣхъ этихъ ошибокъ по части составленія персонала, то окажется, что на деньги, гораздо меньшія, чѣмъ тѣ, что расходуются въ настоящее время, можно имѣть, при иномъ отношеніи къ вопросу, гораздо лучшей и, главное, гораздо цѣлесообразнѣе составленный персоналъ.

Устраивая свои ангажементы, собирая персоналъ, безъ предварительнаго и тщательнаго обсужденія предстоящаго въ году репертуара, обставляя себя съ излишней заботливостью не нужной численностью пѣвцовъ и притомъ контрактующивая ихъ не на годъ, а на три года, дѣлая все это, такъ сказать, «наизустъ», не задаваясь вопросомъ о томъ, какія новыя вещи желательно было бы дать услышать, путаясь затѣмъ въ теченіи года въ различныхъ репертуарныхъ затрудненіяхъ, начальство «новой» оперы продуцировало свою вторую ошибку, состоящую въ способѣ отношенія его къ вопросу о постановкѣ новыхъ оперъ, вопросу очень важному въ художественномъ отношеніи и сверхъ того при неудачномъ его разрѣшеніи вынимающему изъ кармана дирекціи очень много тысячъ рублей. Ошибка эта—послѣдствіе ошибочнаго отношенія къ дѣлу составленія персонала и репертуара оперы—состоитъ въ томъ, что заправила оперой ставятъ не болѣе, какъ по одной новой оперѣ въ годъ; и притомъ ухитряются ставить эту единственную оперу непременно въ концѣ сезона. Такъ, въ первый годъ послѣ реформы

были поставлены «Маккавей» (первое представлѣніе состоялось чуть ли не на масляницѣ); такъ же во второй годъ была поставлена опера Чайковскаго «Мазепа»; такъ же въ третій годъ дали услышать оперу Сѣровой «Уріэль Акоста». Въ четвертый годъ дѣло вышло еще типичнѣе: новая опера Соловьева «Корделія» послѣ полутора годовыхъ ожиданій ея появленія на сценѣ, не успѣла быть изготовленной даже и къ концу сезона. Такое положеніе дѣла по отношенію къ новымъ операмъ имѣетъ слѣдующія неудобства. Новая опера есть вѣрный доходъ и потому чѣмъ больше спектаклей ея въ первомъ сезонѣ, немедленно по постановкѣ, успѣетъ дать дирекція, тѣмъ больше шансовъ имѣетъ она на то, что расходы на постановку, расходы весьма значительные, возвратятся при посредствѣ публики, стремящейся ознакомиться съ новой оперой; поэтому выгоднѣе всего дать новую оперу услышать въ срединѣ сезона (по началу сезона театръ имѣетъ и безъ того наилучшіе шансы наполненія его публикой, которая послѣ трехъ-мѣсячнаго лѣтняго перерыва особенно охотно идетъ слушать оперу). Дайте одну новую оперу въ Ноябрь и другую, напр. въ началѣ Января—и вы навѣрняка обезпечены въ такомъ городѣ, какъ Москва, десятью-двѣнадцатью полными сборами; и это даже въ томъ случаѣ, если оперы эти не особенно понравятся публикѣ. Тогда какъ, изготовляя новую оперу только къ масляницѣ, вообще къ самому концу сезона, дирекція всѣхъ этихъ хорошихъ шансовъ передъ собою уже не имѣла; ни о какихъ пяти-шести спектакляхъ немедленно по постановкѣ не могло быть рѣчи; успѣвали дать до конца одинъ-два спектакля; выгодная сторона постановки новой оперы утрачивалась и утрачивалась въ сущности безвозвратно, такъ какъ въ послѣдующемъ сезонѣ къ оперѣ этой общество уже не относилось, какъ къ новинкѣ. Сверхъ того являлось и еще важное неудобство. Хоръ оперы, пропѣвъ въ спектакляхъ новое произведеніе всего разъ или два, не успѣвалъ *вникаться* въ него, что существенно необходимо (новая опера никогда не можетъ въ первое же представлѣніе идти такъ, какъ она пойдетъ спек-

такля черезъ три), и за лѣто, за эти три вакантные мѣсяца, забывалъ свои номера на столько, что съ осени ихъ понадобилось вновь и весьма усердно подучивать; понадобилось слѣдовательно лишнее количество репетицій и спѣвокъ, тратилось лишнее время, а лишнее время въ оперномъ хозяйствѣ болѣе, чѣмъ гдѣ нибудь, есть лишнія деньги. Подучиванье, новыя спѣвки и репетиціи осенью занимали людей на столько, что новая опера, прошедшая всего раза два, начинала снова идти не сразу по открытіи сезона, а примѣрно черезъ мѣсяць; это въ свою очередь затрудняло и остальные репетиціи, путало осенній репертуаръ и оттягивало поневолѣ постановку слѣдующей новой оперы. Слѣдующая новая опера опять съ Божіей помощью изготовлялась съ медленнымъ поспѣшеніемъ; она снова оказывалась готовой лишь къ концу сезона и дальше вновь повторялась та же исторія неурядицы, лишнихъ спѣвокъ и репетицій, лишней затраты времени, лишней путаницы въ области репертуара и совершенно излишняго установленія новаго произведенія въ такія условія, при которыхъ оно лишено возможности дѣлать нормально-хорошіе сборы. Для публики, для человѣка, только вскользь присматривающагося къ явленіямъ оперной жизни, фактъ изготовленія новой оперы не иначе, какъ къ концу сезона выглядѣлъ только смѣшнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, нельзя невольно не засмѣяться тому, что именно на масляницѣ, когда все равно театръ сильно посѣщается, или именно весною, когда онъ все равно, и ни за что на свѣтѣ, публикою наполняться не можетъ, вамъ даютъ первое представленіе новой оперы. Смѣшно оно уже потому, что имѣетъ видъ какого-то дѣйствительно курьезнаго «медленнаго поспѣшенія», чего-то такого, что происходитъ совершенно «спустя пору»; но на самомъ то дѣлѣ оно не только смѣшно, но и весьма вредно для дѣла, крайне не желательно, чрезвычайно несоотвѣтственно ни художественнымъ, ни денежнымъ выгодамъ дирекціи. Положимъ, дирекція не стремится къ наживѣ! Но вѣдь съ другой стороны ей нѣтъ причинъ стремиться и къ тому, чтобъ даже тамъ, гдѣ дѣло можетъ обойтись безъ

убытка, оно непременно дало бы убытокъ. Съ постановки новой оперы можно взять извѣстные сборы—и надо дѣлать такъ, чтобъ возможность факта этихъ сборовъ не нарушилась при средствѣ столь не своевременной постановки новой оперы, какъ постановка ея на масленицѣ или весною. Да и сверхъ того, отчего же необходимо надо ограничиваться одной новой оперой въ году? Отчего нельзя дать двѣ оперы: одну въ Ноябрь, другую въ Январь? Чего ради, пережевывая вѣчно одинъ и тотъ же репертуаръ, не предпринимать возможныхъ начинаній въ пользу освѣженія его? Ужели двѣ новыя оперы въ годъ трудно поставить? Вѣдь если бы оно было такъ, то всѣ театры въ мѣрѣ не практиковали бы ежегодно постановки двухъ, трехъ, четырехъ новыхъ оперъ; между тѣмъ не угодно ли обратиться къ театральной практикѣ любаго хорошаго опернаго театра Германіи, Франціи, Италіи и т. д. и вездѣ вы увидите, что ужъ безъ двухъ-то новыхъ оперъ ни одинъ сезонъ не обходится. Подъ выраженіемъ «новая опера» я, конечно, разумѣю не только оперу, вновь написанную—такихъ двухъ въ году можетъ въ Россіи и не быть; я понимаю это выраженіе такъ: опера не шедшая на извѣстной сценѣ. Такимъ образомъ, напр. «Мефистофель» и «Лоэнгринъ» для Москвы суть новыя оперы; даже пожалуй къ давнымъ давно не шедшимъ хорошимъ операмъ въ родѣ «Тангейзера», «Пророка», «Роберта», вѣроятно Москвичи отнеслись бы, какъ къ почти новымъ операмъ. Пусть бы хоть двѣ такія новыя оперы ставились ежегодно или одна такая въ дополненіе къ оперѣ, такъ сказать, съ иглочки новой! Но нѣтъ! Мы не имѣемъ ничего подобнаго. Нашъ репертуаръ вѣчно, какъ билко въ колесѣ, вращается въ предѣлахъ вакого-то замкнутаго волшебнаго круга заграничныхъ оперъ, круга, за предѣлы котораго мы проникаемъ лишь въ образѣ невѣрной попытки чего-то: то на масленицѣ мы дадимъ «Маккавей», то къ концу сезона мы изготовимъ «Уріэль Акоста», а все остальное время пробаваемся все тѣмъ же и тѣмъ же, ничего не предпринимая въ пользу освѣженія дѣла.

Впрочемъ идея освѣженія вообще была чуждою начальства «новой оперы». Не только въ области репертуара, но и въ области составленія персонала, помимо тѣхъ неудачныхъ сторонъ дѣла, которыя указаны были выше, начальство «новой оперы» доказало, какъ нельзя яснѣе, именно то, что оно по возможности чуждается идеи всякихъ освѣженій. Если десять лѣтъ тому назадъ пѣли Юневичъ, Мохина, Фюреръ, Додоновъ и др.; то это какъ бы служило самымъ существеннымъ доказательствомъ того, что всѣ они должны пѣть и теперь; если семь и восемь лѣтъ тому назадъ пѣли Усатовъ, Корсовъ, Крутикова и др., то изъ этого опять таки слѣдовало, что они должны пѣть теперь и впредь. Дѣло на этотъ счетъ дошло до того, что дирекція перестала удовлетворяться нормальнѣйшимъ изъ контрактовъ, сезоннымъ, а стала напротивъ того практиковать ангажементы, нигдѣ не практикуемые: на три года, и все по возможности съ постоянными повышеніями окладовъ, какъ будто стремясь сколь возможно прочнѣе обезпечить себя одними и тѣми же солистами «по гробъ ихъ жизни». Выходило и выходитъ изъ этого нѣчто весьма странное. Пѣвецъ, или пѣвица, въ періодъ полного разцвѣта своихъ вокальныхъ силъ получали четыре, пять, шесть тысячъ и были приглашаемы на годъ; когда голоса ихъ начали клониться къ упадку, имъ стали давать семь, восемь тысячъ и приглашать ихъ на два года; когда паденіе ихъ голосовъ сдѣлалось столь очевиднымъ, что нѣкоторыя изъ ихъ прежнихъ партій стали имъ недоступны, гонораръ ихъ возросъ до девяти и десяти тысячъ и ихъ стали приглашать на три года. Примѣровъ такого рода курьезовъ въ практикѣ послѣреформенной оперы столько, что было бы лишнимъ указывать на нихъ поименно. Вообще трудно сказать, какой смыслъ имѣетъ трехлѣтній контрактъ съ пѣвцомъ? Заключить на три года контрактъ съ капельмейстеромъ или хормейстеромъ, это—понятно. Чѣмъ далѣе просидятъ на своемъ мѣстѣ хорошіе капельмейстеръ или хормейстеръ, тѣмъ болѣе свыкнутся съ ихъ методомъ отношенія къ дѣлу руководимыя ими силы оркестра и хора.

Пригласить на три года хорошаго режиссера, это—тоже понятно; хорошій режиссеръ долженъ не только знать сцену вообще, но и обязанъ знать потребности той сцены, для которой онъ работаетъ, и знать ихъ до мелочей; поэтому чѣмъ дольше пребываетъ режиссеръ на извѣстной сценѣ, тѣмъ онъ можетъ быть для нея полезнѣе. Взять на долгій срокъ на службу хориста или оркестроваго музыканта, это—прямо необходимость; и тотъ и другой съ каждымъ годомъ ихъ существованія въ извѣстномъ оперномъ театрѣ дѣлаются полезнѣе и полезнѣе, благодаря ознакомленію ихъ съ репертуарными потребностями этого театра; конечно, по отношенію къ хористу сказанное примѣнимо въ предѣлахъ, пока у него сохраняется голосъ—періодъ весьма длинный для хориста. Но какая выгода заключать многолѣтніе контракты съ пѣвцами? Если пѣвецъ, приглашенный на годъ, такъ нравится публикѣ, такъ соотвѣтствуетъ потребностямъ дѣла, что его желательно пригласить и на слѣдующій годъ, вѣдь никто не препятствуетъ это сдѣлать. Во первыхъ, всѣ пѣвцы даютъ очень охотно себя приглашать на столичную сцену, во вторыхъ, въ извѣстный періодъ года всѣ они (кромѣ чуть не безсрочно законтрактованныхъ казенной дирекціей) свободны отъ ангажемента. Въ чемъ же, спрашивается, кроется секретъ необходимости законтрактовывать пѣвца на три года? Быть можетъ въ желаніи вѣрнѣе обезпечить сцену? Но она въ этомъ не нуждается: сцена эта такова, что она всегда была, есть и будетъ сама собою обезпечена на счетъ желанія всевозможныхъ пѣвцовъ быть для нея приглашенными, такъ что на этотъ счетъ не представляется опасности и это «свято мѣсто не будетъ пусто». Быть можетъ тутъ дѣйствуетъ соображеніе о возможности переплатить пѣвцу, который—разъ, что успѣхъ его будетъ очень великъ—на слѣдующій годъ запроситъ очень большой гонораръ. Опять таки напрасные страхи! Во-первыхъ, ни одинъ хорошій пѣвецъ не промѣняетъ изъ за пустяковъ возможности пѣть на нашей сценѣ на удовольствіе скитаться по провинціи; во вторыхъ, всякій пѣвецъ понимаетъ очень хорошо, что въ Москвѣ на

казенной сценѣ пѣть ему легче, чѣмъ въ провинціи, гдѣ не только не можетъ быть рѣчи о восьми спектакляхъ въ мѣсяцъ, какъ было подсчитано выше, но гдѣ иногда и за пятнадцать спектаклей въ пять недѣль приходится благодарить Создателя; въ третьихъ, если бы даже пѣвецъ и потребовалъ повышения его гонорара послѣ цѣлаго года его несомнѣннаго успѣха, что же за бѣда? Увеличить его гонораръ въ этомъ случаѣ было бы все таки гораздо менѣе невыгоднымъ и неизмѣримо менѣе рискованнымъ, чѣмъ приглашать пѣвцовъ на три года, да еще увеличивая ихъ жалованье. Три года—большой срокъ для человѣка вообще, а для пѣвца или пѣвицы, да еще въ извѣстномъ возрастѣ, это—срокъ огромный. Кто знаетъ, быть можетъ за долго до истеченія этого трехлѣтняго срока голосъ пѣвца на столько пострадаетъ, что сдѣлается почти невозможнымъ поручать ему прежнія его сильно отвѣтственныя партіи. Примѣровъ быстраго паденія голосовыхъ средствъ—и, къ несчастію, именно въ средѣ пѣвцовъ и пѣвицъ, законтрактованныхъ казенною дирекціей на особенно долгіе сроки—мы видѣли не мало. Да и сверхъ того—конечно, скажемъ это не въ укоръ кому-либо—кто же поручится за то, что пѣвецъ, ангажированный на годъ, не отнесется къ своему дѣлу съ большимъ рвеніемъ, чѣмъ если бы его пригласили на три года, когда съ перваго года ангажемента онъ чувствуетъ такъ сказать чрезвычайную, напр. десятитысячную обеспеченность на долгій срокъ; вѣдь и такого рода явленія въ пѣвческихъ сферахъ, какъ и во всякихъ другихъ, возможны. Нечего и говорить, что идея освѣженія персонала въ высшей степени страдаетъ отъ этихъ многолѣтнихъ контрактовъ. Какое ужъ тутъ «освѣженіе»? Тутъ слушаемъ и слушаемъ однихъ и тѣхъ же пѣвцовъ, ждемъ-ждемъ, когда кончится ихъ трехлѣтній ангажементъ, а тамъ вдругъ бацъ! Смотришь, ихъ опять пригласили на три года. Совершенно не нормальный порядокъ вещей, и ненормальный и ни въ какомъ отношеніи не выгодный.

Третья ошибка, отражающаяся въ значительной степени на бюджетѣ оперы, лежащая бременемъ на общую сумму

расходовъ его, есть та излишняя размахистость, съ которой дирекція увеличила масштабъ оперныхъ хора и въ особенности оркестра. 120 человѣкъ въ хору и 100 человѣкъ въ оркестрѣ! По чести это—нѣчто небывалое, совсѣмъ грандіозное и въ значительной степени излишнее. Хоръ даже и въ 100 человѣкъ—разъ онъ хорошо составленъ—есть огромный хоръ; даже будучи такимъ, онъ окажется однимъ изъ величайшихъ оперныхъ хоровъ въ мірѣ, такъ какъ на самыхъ большихъ сценахъ западной Европы нельзя встрѣтить ничего столь грандіознаго, какъ 120 человѣкъ въ оперномъ хору. Еще болѣе того невѣроятенъ оркестръ въ 100 человѣкъ. Въ огромныхъ симфоническихъ концертахъ, даваемыхъ въ большихъ залахъ для двухъ, двухъ съ половиною тысячъ слушателей, человѣчество ограничивается самое большое 80—85 артистами оркестра; почему же въ оперѣ, гдѣ конечно оркестровыя потребности менѣе симфоничны, чѣмъ въ симфоническихъ концертахъ, и гдѣ все же главную суть дѣла составляетъ не оркестръ, а то, что есть на сценѣ, ибо опера есть форма болѣе вокальная, чѣмъ инструментальная, и такъ, почему при оперѣ долженъ состоять оркестръ въ 100 человѣкъ? А между тѣмъ эти двадцать лишнихъ хористовъ и почти столько же оркестровыхъ музыкантовъ составляютъ на малый конецъ двадцать пять тысячъ въ годъ. И эта сумма уплачивается отнюдь не за то, что дѣло становится отъ того совершеннѣе! Хоръ въ 100 человѣкъ и оркестръ въ 80 артистовъ могутъ быть такъ же хороши, какъ наши хоръ и оркестръ; они не сдѣлаются недостаточно сильными, они не будутъ бѣдны по размѣрамъ театральнаго зала; напротивъ того, то и другое будетъ настолько грандіозно, больше чего не слѣдуетъ желать. Такимъ образомъ эта сумма уплачивается ежегодно главнымъ образомъ за небывалость, за лишній блескъ и блескъ чисто внѣшняго свойства. Нигдѣ этого нѣтъ, а у насъ вотъ есть! И за это мы платимъ лишнія двадцать пять тысячъ рублей въ годъ, хотя мы и знаемъ, что на самомъ-то дѣлѣ лучше отъ всего этого дѣло не пойдетъ.

Если за симъ мы просуммируемъ все вышесказанное, то получится слѣдующее. Пѣвцовъ первыхъ солистовъ мы имѣемъ чуть не вдвое противъ того, сколько ихъ нужно было бы имѣть, ежегодно составляя персоналъ по предварительно обсужденному, предстоящему репертуару. Я не хочу этимъ сказать, чтобъ и расходъ, потребный на солистовъ, необходимо было убавить именно вдвое (нѣкоторые изъ нихъ получаютъ оклады столь умѣренные, что оклады эти могутъ въ сущности играть роль лишь увеличенія денежныхъ средствъ для приглашенія наилучшихъ, но строго необходимыхъ пѣвцовъ); но во всякомъ случаѣ изъ ста тридцати слишкомъ тысячъ примѣрно расходуемыхъ на первыхъ солистовъ, можно было бы съэкономить тысячъ тридцать и даже болѣе того. Далѣе изъ суммы, расходуемой ежегодно на содержаніе вторыхъ персонажей, простирающейся примѣрно до двадцати тысячъ, можно было бы легко съэкономить тысячъ пять, шесть; для этого стоило бы только распустить всю коллекцію родственно-дружественныхъ вторыхъ баритоновъ поголовно, и изъ семи тысячъ жалованья, получаемого этими четырьмя артистами, расходовать только двѣ на одного порядочнаго втораго баритона, если ужъ такого непременно хочется имѣть, на каковую обязанность, конечно, не надо приглашать ни одного изъ наличныхъ гг. баритоновъ. Далѣе, представивъ себѣ приведенное выше скромное сокращеніе хора и оркестра, можно было бы опять таки безъ малѣйшаго ущерба для дѣла выгадать тысячъ двадцать пять. Все это вмѣстѣ составляетъ уже до 60,000 руб. или свыше того въ годъ, а это еще не все. Если копнуть дѣло поглубже, то окажется, что на сценѣ есть и еще кое-какіе оклады, которые безъ грѣха могли бы быть приобщенными туда же. Рядомъ съ этой экономіей въ расходъ можно было бы увеличить приходъ. Стоитъ только начать пробовать ставить двѣ новыя оперы въ годъ и не въ концѣ сезона, а въ Ноябрь и Январь, стоитъ только освѣжить репертуаръ, подновить персоналъ новыми артистами, и не трудно себѣ представить, что сборы, упавшіе до нельзя, снова поднимутся на столько,

что мы возвратимся на этот счет къ первому полугодію послѣ реформы; а вѣдь это опять таки тысячь шестьдесятъ въ годъ, если не болѣе того. Появленіе одного новаго интереснаго пѣвца (г. Бутенко) замѣтнымъ образомъ повліяло на сборы тѣхъ спектаклей, въ которыхъ онъ принималъ участіе. На сколько же могутъ они подняться при условіи надлежаще усерднаго обновленія и освѣженія репертуара и персонала, при условіи своевременной постановки двухъ новыхъ оперъ въ году, при условіи правильнаго отношенія, какъ къ предстоящему годовому репертуару, такъ и къ тому, кого именно нужно имѣть для выполненія его? Конечно, приведенная выше цифра въ шестьдесятъ тысячь излишка по приходу отнюдь не преувеличена. А вѣдь шестьдесятъ тысячь увеличенія прихода рядомъ съ таковою же суммою уменьшенія расхода составляютъ нѣчто весьма изрядное, а именно сто двадцать тысячь рублей ежегодной экономіи. Казалось бы: кушъ, изъ за котораго стоитъ похлопотать, даже при условіи того, что въ настоящее время вынимается онъ непроизводительно изъ отмѣнно обширнаго и безотвѣтнаго кармана, зовомаго казною! Но дѣло въ томъ, что и это еще не все. Есть еще нѣчто въ области уже не именно опернаго, но обще театральнаго хозяйства, что лишь частію своего расхода ложится на оперу и что положительно должно бы подлежать нѣкоторымъ сокращеніямъ со стороны расхода. Это нѣчто есть театральная контора.

Прежніе «опытные въ семь дѣлъ» стоили казнѣ дешево. Плодятся и множась, принеся ущербъ тому дѣлу, на службу которому они были призваны, дѣлая тоже по отношенію къ стоявшимъ отъ нихъ въ прямой зависимости артистамъ, они въ то же время весьма мало наносили ущерба непосредственно своимъ вознагражденіемъ, получаемымъ отъ казны. Будучи оцѣниваемы въ теченіи пятидесяти лѣтъ «на ассигнаціи», они, конечно, за это время поглотили жалованья не болѣе, чѣмъ сколько поглощаетъ теперешняя контора въ пять-шесть лѣтъ своего существованія «на серебро», или въ родѣ того. Дѣло стало инымъ, когда «опытныхъ въ семь

дѣлѣ» замѣнили новые люди, набранные изъ сферъ, діаметрально противоположныхъ прежнимъ конторскимъ сферамъ, и когда эти новые люди, получающіе тысячные оклады, да еще при томъ «на серебро», а не на «ассигнаціи», начали плодиться и множиться до такой степени, что въ скоромъ времени стало затруднительнымъ перечислить всѣхъ начальниковъ и начальницъ отдѣльныхъ частей, создавшихся въ области конторы. А плодились они и множились довольно неудержимо, хотя, надо отдать справедливость, многіе изъ нихъ приносили дѣлу пользу еще меньшую, чѣмъ прежніе «опытные въ семь дѣлѣ». По части созиданія новыхъ должностей и окладовъ началось нѣкое столпотвореніе вавилонское. То, что оплачивалось прежде сотнями (и не многими сотнями) рублей, стало оплачиваться тысячами; казенныя квартиры исправлялись, отдѣльвались и населялись; тамъ, гдѣ прежде вѣдалъ не болѣе, какъ скромный старичекъ капельдинеръ, водворялась какая нибудь парадная начальница, а то такъ и парадный начальникъ, что, какъ извѣстно, весьма часто угрожаетъ увеличеніемъ расходной статьи. Дѣло наконецъ дошло до того, что конторско-административная часть театральнаго міра достигла предѣловъ огромнаго и многостоящаго учрежденія, жалованье и содержаніе котораго (ибо казенныя квартиры и отопленіе чего нибудь да стоятъ) ложилось чрезвычайно тяжелой ношей на театральнѣйшій бюджетъ и въ томъ числѣ конечно на оперу. Мы умолчимъ уже о томъ, что съ размноженіемъ начальниковъ отдѣльныхъ частей, театральное хозяйство, слагающееся изъ множества отдѣльныхъ отраслей, стало обходиться дороже прежняго, но даже однихъ излишне уплачиваемыхъ жалованій, излишне раздаваемыхъ квартиръ, казалось бы уже достаточно, чтобы вывести изъ терпѣнія самую терпѣливую казну. И казна наконецъ вышла очевидно изъ терпѣнія. Съ назначеніемъ самостоятельнаго управляющаго Московскими театрами начало замѣчаться нѣкоторое стремленіе къ сокращенію численности служащихъ при Московскихъ театрахъ; въ обществѣ упорнѣе и упорнѣе стали держаться слухи о предстоящихъ

перемѣнахъ, главную роль въ которыхъ играли опять таки сокращенія. Давно пора съ Божіей помощью! Пора приняться за дѣло, поставленное реформою на прекрасную почву, но на этой почвѣ не удержавшееся отчасти благодаря неумѣлому къ нему отношенію, отчасти по свойственной человѣкамъ слабости излишне озабочиваться «о своя и своихъ». И приняться, собственно говоря, слѣдовало бы одновременно, направляя свои стремленія и въ область оперной сцены и въ сферы конторы, и стремленія эти сосредоточивая не только на сокращеніи, но и на замѣщеніи неопытныхъ, водворившихся не на своемъ мѣстѣ людей, людьми опытными, успѣвшими со стороны присмотрѣться къ театральному дѣлу и его хозяйству со всѣми неудачными опытами его послѣднихъ лѣтъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что по отношенію къ конторѣ и плеядѣ «начальниковъ» и «начальницъ» возможны такія сокращенія, которыя оставятъ въ карманѣ казны многія тысячи, и которыя естественнымъ образомъ отразятся и на оперномъ бюджетѣ, ибо бюджетъ содержанія конторы ложится тяжелымъ бременемъ на всѣ три отдѣла театральнаго хозяйства: драматическій, оперный и балетный.

Всѣмъ вышесказаннымъ мы не хотимъ выразить той мысли, что въ концѣ концовъ при средствѣ различныхъ сбереженій и сокращеній, казенное оперное дѣло можно будетъ поставить въ такое положеніе, что дефицитъ его совершенно исчезнетъ. Содержаніе оперы въ нашемъ большомъ театрѣ, вмѣщающемъ примѣрно половинное количество слушателей противъ того, что онъ могъ бы вмѣстить, будъ его мѣста устроены менѣе комфортабельно, съ его сборомъ въ 2193 р. 80 к., съ потребными для него огромными хоромъ и оркестромъ, съ необходимымъ для Императорской сцены совершенствомъ постановки и выполненія оперъ, немыслимо безъ дефицита. Но и дефицитъ можетъ держаться въ разумныхъ предѣлахъ. Поставьте дѣло составленія персонала на почву дѣйствительно нормальную, свяжите его съ зрѣлымъ обсужденіемъ предстоящаго репертуара, перестаньте культивировать чуть не пожизненные контракты съ пѣвцами, озаботьтесь

освѣженіемъ персонала и репертуара, распустите массу не
нужнаго народа, создайте возможность постановки хотя бы
двухъ свѣжихъ оперъ въ году, сократите количество чиновъ
конторы, «начальниковъ» и «начальницъ» отдѣльныхъ, раз-
дробленныхъ отраслей хозяйства и въ особенности возьмите
въ одни руки всю область главныхъ, рѣшающихъ вліяній
относительно всего вышесказаннаго, сдѣлайте, чтобъ вопросы
объ ангажементѣхъ оперныхъ артистовъ, о предстоящемъ
репертуарѣ, предстоящихъ постановкахъ и ихъ потребностяхъ
получали окончательную санкцію разрѣшенія отъ той одной
воли, непосредственно стоящей у дѣла, которую собственно
и долженъ сосредоточивать въ своихъ рукахъ самостоятель-
ный управляющій театрами—и вы увидите, что дѣло и пой-
детъ иначе, чѣмъ какъ оно шло до сихъ поръ и прійдетъ
въ первые же два года къ инымъ хозяйственнымъ результа-
тамъ, чѣмъ съ какимъ оно пришло за четыре года своего
существованія послѣ реформы. Дефицитъ не исчезнетъ со-
всѣмъ, но, сократившись на огромную сумму, станетъ на
почву разумнаго основанія, а самое дѣло съ художественной
стороны начнетъ новое существованіе, выигравъ по сравне-
нію съ теперешнимъ его положеніемъ весьма многое.

Но можетъ быть, что тотъ выводъ относительно расхода
по содержанію персонала, который приведенъ выше, и при-
мѣняясь къ которому выходитъ, что одной экономіи по со-
держанію персонала можно сдѣлать до 35000 р. въ годъ, по-
кажется голословнымъ при отсутствіи точныхъ цифръ гонор-
рара, которыя не приведены въ немъ; быть можетъ, нако-
нецъ, что выводъ этотъ покажется стоящимъ въ зависимости
отъ какого либо особеннаго урѣзыванія гонорара артистовъ?
Отнюдь нѣтъ. Подтвердить его можно цифрами, возвратив-
шись опять таки къ первоначальному расчету потребностей
персонала въ связи съ зрѣло и предварительно обдуманномъ
репертуаромъ и гонораромъ пѣвцовъ. Взявъ приведенныя
выше цифры спектаклей, выпадающихъ на долю каждаго
амплуа въ 80 представленій двадцати оперъ, мы получимъ:

75		представлений драм. сопр., считая по 250 р. за спектакль=	18750 р. (двѣ артистки).
40	»	лирич. сопр. »	по 200 р. за спектакль=
			8000 р. (одна артистка).
30	»	меццо-сопр. »	по 200 р. за спектакль=
			6000 р. (одна артистка).
40	»	контръ-альто »	по 200 р. за спектакль=
			8000 р. (одна артистка).
50	»	драмат. тен. »	по 250 р. за спектакль=
			12500 р. (одинъ артистъ).
40	»	лирич. тен. »	по 200 р. за спектакль=
			8000 р. (одинъ артистъ).
60	»	баритон. »	по 200 р. за спектакль=
			12000 р. (два артиста).
40	»	басса для героическихъ ролей, считая по	200 р. за спектакль=8000 р. (одинъ артистъ).
70	»	басса для остальн. перв. парт. по 150 р. за	спектакль=10500 р. (два артиста).

Четыре или пять артистовъ на вторыя роли=10000 р.

Итого . . . 101750 р.

Увеличивая этотъ расходъ на случайныя увеличенія поспектакльной платы еще на 3250 р.

Получимъ всего 105000 р.

Сличите эту цифру съ тѣмъ, что расходуется теперь, и выйdetъ, что экономія можетъ простираться даже и больше, чѣмъ на 35000 руб. въ годъ. Между тѣмъ поспектакльная плата принята казалось бы изрядная, въ особенности если принять въ расчетъ то, что въ сферахъ ампула, исчерпываемыхъ не однимъ, а двумя артистами, возможно повышение одного гонорара на счетъ другаго, то, что въ нѣкоторыхъ ампула цифры представлений увеличены противъ про-

веденной ранѣе нормы для округленія ихъ, и то, что принято еще увеличеніе расхода на лишніе спектакли, считая напр. пять лишнихъ спектаклей драматическаго сопрано и драматическаго тенора и 8—10 лишнихъ спектаклей остальныхъ голосовъ. Мы не приводимъ для сличенія съ цифрою этого итога, отдѣльныхъ цифръ расхода по содержанію тепершняго персонала, дѣлая это отчасти ради того, чтобъ не впасть въ какую нибудь хотя бы мелкую ошибку, которая однако могла бы повлечь къ упреку въ неточности, отчасти и изъ убѣжденія, что оно въ сущности лишено интереса; но во всякомъ случаѣ мы можемъ смѣло сказать, что въ общемъ первые артисты нашей оперы, которыхъ имѣется 22 (это вмѣсто 12 дѣйствительно необходимыхъ) и вторые артисты, которыхъ имѣется 9 (это вмѣсто 4—5 вторыхъ персонажей) получаютъ ежегодно свыше 140,000 руб. жалованья, и *свыше*, сколько мы понимаемъ, до такой степени, что цифра стоитъ къ полутора ста тысячамъ столь же близко, какъ и къ ста сорока тысячамъ.

Затѣмъ, на первый взглядъ можетъ выглядѣть нѣсколько чрезмѣрнымъ столь крупный гонораръ, какъ 200—250 руб. поспектакльной платы. Казалось бы, что это ужъ черезъ чуръ! Дѣло въ томъ, что міровые артисты, въ родѣ г. Девойода, способные единолично дѣлать полные сборы, получаютъ по 500 руб. за спектакль, въ приведенномъ же перечнѣ всѣ голоса поголовно исчислены въ 200—250 руб. поспектакльной платы. Но да не смутится этимъ читатель и въ особенности да не смутится этимъ читатель изъ сферъ театральнѣйшей дирекціи. Цифра 200—250 руб. за спектакль не велика, если она уплачивается за дѣйствительную работу артиста, да еще артиста такого, который соотвѣтствуетъ и своими средствами и своими знаніями истиннымъ потребностямъ дѣла. Велика она лишь тогда, когда она уплачивается артисту или такъ вообще, или за его прошлое, за то, что когда-то онъ не только умѣлъ пѣть, но и имѣлъ голосъ, или по родственному чувству дружбы, или просто по привычкѣ, изъ года въ годъ, такъ сказать «по случаю», чуть

не пожизненного контракта. Если артисту есть чѣмъ работать для оперы, если онъ располагаетъ и мастерствомъ и надлежащими природными средствами, то 250 руб. не есть чрезмѣрный гонораръ за его трудъ по одному спектаклю. Да и сверхъ того—оно курьезно; но артисты теперешняго персонала, при ихъ невѣроятной численности, получаютъ гораздо больше 200—250 руб. за спектакль. Не говоря уже о такихъ фактахъ, какъ г-жа Смѣльская, поющая четыре-пять разъ въ сезонъ за четырехъ-тысячное жалованье (фактъ этотъ имѣлъ мѣсто не ахти какъ давно), но многіе изъ теперешнихъ артистовъ, разъ вы подсчитаете ихъ жалованье по отношенію къ количеству ихъ исполненій, получаютъ по 300, 400, 500 руб. и даже болѣе того за спектакль. Мы не будемъ называть фамилій, но утверждаемъ только фактъ: получая 9000 руб. и выходя счетомъ 18—20 разъ въ сезонъ, артистъ получаетъ же до 500 руб. за спектакль; получая 6000 руб. и появляясь на сценѣ 20 разъ, артистъ получаетъ же 300 руб. за спектакль; получая 3000 руб., будучи артистомъ второстепенныхъ амбуа, и выходя не свыше 10—12 разъ, артистъ получаетъ же (и это за вторыя роли!) 250—300 руб. за спектакль; наконецъ, получая 2000 руб. и не издавая ни одной ноты, артистъ получаетъ же..... Вотъ тутъ ужъ возникаетъ серьезная задача: сколько за одинъ разъ *вокальнаго исполненія* получаетъ такой артистъ? Послѣ всего этого едва ли страшною покажется цифра въ 250 руб. по-спектакльной платы, предполагаемая къ уплатѣ такому артисту, *который поетъ на самомъ дѣлѣ, поетъ соответственнымъ образомъ, которому есть чѣмъ пѣть, который вмѣстѣ съ остальными подобными ему сотоварищами въ состояніи привлечь въ театръ публику.* Плата эта не велика послѣ того, что нѣкоторые артисты теперешняго персонала, отнюдь не будучи первоклассными, получаютъ гонораръ, уравнивающий ихъ трудъ, со стороны оплаты его, съ трудомъ міровыхъ артистовъ; она только нормальна, какъ нормаленъ и самый составъ персонала, какъ нормаленъ способъ под-

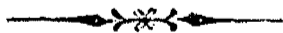
счета того, что именно необходимо имѣть для содержанія оперы въ теченіи сезона.

Отчасти тотъ способъ составленія персонала, по предварительномъ обсужденіи репертуара, который имѣется въ виду, на извѣстный сезонъ былъ рекомендованъ заправиламъ «новою» оперой еще въ 1883 г., когда пишущій эти строки по подсчитаніи общихъ итоговъ сезона, пристально слѣдя за всѣмъ совершившимся тогда въ оперѣ, имѣлъ полное основаніе придти къ убѣжденію въ томъ, что новое дѣло начинаютъ ставить на ложную почву. Но благой совѣтъ пропалъ, какъ оказалось, понапрасну. Дѣло шло дальше и дальше, все въ томъ же ложномъ направленіи, которое дано ему было по началу и наконецъ пришло къ результатамъ, стоящимъ у всѣхъ на виду: паденіе сборовъ, увеличеніе расхода, возрастаніе дефицита, охлажденіе публики къ русско-опернымъ спектаклямъ и пустѣющій зрительный залъ нашего превосходнаго большаго театра, этого перла между театрами Европы, перла и для исполняемыхъ въ немъ произведеній, и для исполнителей, и для публики. Чтожъ остается? Остается лишь желать, чтобъ наконецъ когда нибудь дирекція оглянулась на дѣяніе рукъ своихъ и свела оперное дѣло съ того ложнаго пути, на которое оно было поставлено, какъ разъ послѣ реформы его, составлявшей предметъ многолѣтнихъ ожиданій, отличавшейся въ основаніи своимъ массою симпатичныхъ чертъ и давшей всѣ средства и способы къ тому, чтобъ оперное дѣло наше было поставлено перво-классно въ художественномъ и чисто-хозяйственномъ отношеніяхъ.

А. Размадзе.

ОПЕЧАТКИ.

					<i>Напечатано:</i>	<i>Слѣдуетъ читать:</i>
На стр.	5 строка	22	сверху		Пельшь	Пельть
"	"	7	"	6	Фриччи Арто	Фриччи, Арто,
"	"	9	"	6	зоркій	юркій
"	"	22	"	20	маловья	массовья
"	"	26	"	11	Мохину	Махину
"	"	27	"	34	служащій	служившій
"	"	28	"	5	частей	гостей
"	"	28	"	24	комприморія	компримарія
"	"	31	"	2	понадобилось	надобилось
"	"	31	"	3	понадобилось	надобилось
"	"	32	"	29	билко	бѣлка
"	"	33	"	7	Мохина	Махина
"	"	35	"	30	слушаемъ и слушаемъ	слушаешь и слушаешь
"	"	35	"	30—31	ждемъ ждемъ	ждешь ждешь
"	"	38	"	22	обще театральнаго	обще-театральнаго
"	"	38	"	27	принеся	принося
"	"	41	"	16	съ какимъ	къ какимъ
"	"	41	"	30	его	это
"	"	44	"	5	оно курьёзно;	оно курьёзно—

0.15

V n-08

4-

A 166604